

Из разговора деда с внуком:

Дед:

— Во все времена в жизни людей было что-то хорошее, а что-то и плохое случилось.

Внук:

— Да что это за жизнь у вас была без «компа» и «мобилы».

«У меня растут года,

Будет и семнадцать.

Где работать мне тогда,

чем заниматься?» — так писал поэт.

На дворе 1970 год, мне стукнуло уже восемнадцать, а вопрос всё тот же: кем стать и где работать? Через месяц — экзамены в вечерней школе, а на кого пойти учиться дальше я так и не решил, хотя уже имею профессию мебельщика, получил её по окончании профессионально-технического училища. Но, что же в ней хорошего? Каждый день по звонку ходить на фабрику, и так до самой пенсии! Скучно, не романтично. Как-то я услышал песенку про геологов «На чём стоит любовь», и тут же решил стать геологом. Но в песне были слова: «...ждать геолога — дело трудное...». Я представил себе, как полгода провожу в полях, а жена ждёт меня дома. Вдруг не дожждётся, побежит налево или совсем уйдёт? Не будет крепкого семейного тыла. Подумал так, и стало стыдно за себя. Какой-то я собственник, получается. Жена, словно вещь. И мне жалко, что эту «вещь» кто-то у меня заберёт. Нет-нет, поверьте, я не такой. Надо мыслить иначе: я здесь, в полях, на любимой работе, со своими товарищами, с которыми тружусь не один сезон, мы крепко сдружились. Всё меня вдохновляет — природа, люди. А дома скучает жена. Ей одиноко, она считает дни до встречи. Вдруг заболит, и ей нужна моя помощь и поддержка. Знакомые мужчины, видя, что мужа долго нет, уделяют ей знаки внимания, намекая на близость, которые оскорбительны для неё. Возможно, даже делают серьезные предложения. Жене моей всё это противно, она им грубо отвечает, и от этого ожидание становится ещё более тягостным. Вот, как-то так. Нет, в геологи не пойду!

Такие наивные мысли блуждали в моей голове в восемнадцать лет. Затем стали нравиться песенки Городницкого «У Геркулесовых столпов» и «Над Канадой небо синее». И захотелось стать географом, как бард. Наверняка географы по морям меньше болтаются.

Однажды в электричке я познакомился с парнем по имени Иван. Оказалось, он знает моего друга детства Юрку Никифорова, играл вместе с ним в одной футбольной команде. Иван только что окончил школу и тоже пока не определился со своим будущим. Поделился с ним своими рассуждениями. Иван загорелся:

— Давай вместе пойдём поступать в географы!

— Поступать придётся в университет, а не в обычный институт. У тебя сплошные тройки в аттестате? Шансов мало.

— Во-первых, меня должны взять как спортсмена, а во-вторых, у меня не все тройки, есть одна пятёрка по английскому языку.

— Ваня, скажи честно, как ты умудрился получить пятёрку?

— Пел в школьном ансамбле. Мой сосед по парте отлично знает английский, он писал мне тексты английских песен русскими буквами, ну и ещё — я много раз слушал эти песни на грампластинках. Вот и выработалось отличное произношение. Отсюда и пятёрка. Я всё откровенно рассказал, теперь и ты мне ответь: как тебя угораздило оказаться в вечерней школе? Учился неплохо. За поведение выгнали?

— Не знаю толком, за что выгнали после восьмого. Классный руководитель сказала: «Твоё место в ПТУ». Не любила меня за шутки, строгая очень была. Но не думаю, что именно её мнение изменило мою судьбу. Я не ладил с отцом. Это было его решение. Ведь можно было перевести в параллельные классы или в другую школу. Когда сказал отцу, что пойду в девятый, он слушать не захотел. Нашёл в справочнике профессионально-техническое училище, готовящее мебельщиков, и объявил: «Пойдешь туда». Я попытался сопротивляться, сказал, что не хочу делать этажерки, но отец был категоричен: «Не хочешь этажерки, будешь делать табуретки». В ПТУ я учился, в вечернюю школу отходил три года по четыре раза в неделю.

— Другие учителя твои шутки терпели?

— Вроде бы не обижались.

— Расскажи хоть одну.

— Мой сосед по парте притащил из дома презервативы. Я предложил надуть их и повесить на люстрах. Он отказался. На следующий день я принёс из дома нитки, надул презервативы и развесил их по классу. Учительница, увидев, стала выяснять, кто это сотворил. Нашлись добрые люди, показали на меня. Пришлось держать ответ. Я выпалил: «Надежда Васильевна, ваши уроки для нас — праздник! А раз так — пусть в классе будет праздничная обстановка, как на Первомайские демонстрации, на которую ходят с шариками». Меня заставили всё снять. Пока ползал по партам, прозвенел звонок на перемену. По словам учительницы — я сорвал урок. Возразил, что это она сорвала праздник. Однако моих родителей в школу для разбора не пригласили. Возможно, Надежде Васильевне было приятно слышать, что ученики считают её уроки праздником. А может, всё проще — сообщили родителям, чтобы презервативы от детей прятали подальше.

— Ну и шуточки у тебя. За одну такую можно вылететь из школы.

— Ваня, школа — уже история. Давай о будущем. Надо договориться, когда будем подавать документы в университет.

В назначенное время мы встретились у дверей деканата. Подошли к стенду для абитуриентов. Ваня заухал: «Математика, мне её не сдать». Я пытался его переубедить, показывая образцы примеров, которые встречаются на экзаменах.

— Ваня, примеры достаточно просты, чего тут бояться!

— Давай, лучше, на исторический, там не надо сдавать математику.

— После окончания этого факультета нас направят в школу работать учителями истории. Ты посмотри в зеркало — какие из нас учителя?

— Невооруженным взглядом видно, чем отличается вечернее образование от дневного. Учителей истории готовят педагогические вузы, выпускники университета становятся директорами школ, ведь у нас в городе всего один университет. Мягкое кресло и большие деньги!

Я с ним не согласился:

— Ты представляешь, сколько нужно построить школ, чтобы всех выпускников университета назначить директорами!

Но в географы я и сам не сильно стремлюсь. Если в той песенке поменять слова «геолог» и «географ», то смысл не изменится. Ваня чем-то мне нравился, и хотелось бы с ним вместе учиться. Я согласился отнести документы на исторический факультет, стал усиленно готовиться к приёмным экзаменам. Но, чем дольше готовился, тем отчётливее понимал, что история — это не моё. Сказал Ване, что пойду служить в армию, повзрослею, тогда всё станет ясно. Ваня на первом же экзамене получил двойку. Не оценили ни как будущего директора школы, ни как спортсмена.

А я в последний день приёма успел подать документы в техникум деревообрабатывающей промышленности, сдал экзамены и был зачислен. Потом пришёл к военкому и попросился в армию. Тот объяснил, что, так как у меня среднее образование, я приписан в связисты и буду призван весной, сейчас призыв идёт только в стройбат.

— Но мне надо уйти сейчас, осенью, и неважно куда.

— Зачем ты так спешишь?

— Хочу найти себя. Нахожусь в активном поиске.

Военком отнёсся с пониманием.

* * *

В актовом зале клуба завода «Маяк» нас, призывников, было около ста человек. Все пьяные, некоторые спали сидя. Возможно, решили, что им не придётся два года пить, надо алкогольную норму влить в себя сейчас. Каждое поколение призывников повторяет предшественников. Мы с другом по ПТУ Сашкой Прониным тоже «бухнули». На сцене клуба офицер что-то рассказывал, его никто не слушал, каждый был занят своими разговорами. Офицер расплывался, я закрыл один глаз, его образ стал чётче, но что он говорил, не слышал. И тут другой офицер гаркнул на весь зал. Все медленно подались к выходу. Кто-то сам идти не мог, ему помогали другие призывники. На улице ждали несколько старых автобусов с выступающими капотами. Погрузились. Поехали. У Московского вокзала долго строили в колонну по два. Колонна всякий раз получалась нестойкой и говорливой. Офицера, который пытался что-то донести до нашего сознания, никто не слушал. Но вот объявлена посадка на Мурманский поезд. Кто-то оптимистично отметил: «Здорово! Увидим северное сияние!» Ох уж эти оптимисты! Я бы предпочёл Черное море, романтические песни Марка Бернеса и Леонида Утёсова.

Хаотично расселись в вагоне. Я оказался рядом с призывниками из Кировского района — организованные ребята: открыли оконные форточки, через которые с перрона нам передали несколько бутылок водки. В обратную сторону — деньги, собранные без учёта, кто сколько дал. Вытащили из своих авосек еду, собранную родителями в дорогу... и понеслось! Поезд ещё стоял у платформ, а мы уже стали разливать по кружкам, стаканам — у кого что было. Никто не спорил, что кому-то налили больше, кому-то меньше. Всем весело, словно ехали навстречу новому, чему невозможно было не радоваться. Потом пошли частушки. Кто-то один запевал, остальные подхватывали странный припев: «Опа-опа...». В этих частушках главное — не слова, а те эмоции, которые выплёскивались во время исполнения. Когда подхватывали припев, пространство вагона заполнялось радостной энергетикой. Нечто подобное можно заметить и у известных бардов, где текст является, казалось бы, лишь набором слов, не связанных между собой какой-либо мыслью. Так, например, у Владимира Высоцкого:

*А у дельфина взрезано брюхо винтом!
Выстрела в спину не ожидает никто.
На батарее нету снарядов уже.
Надо быстрее на выраже!
Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!*

Здесь нет никакой сюжетной линии, просто эмоции до хрипоты в голосе вырываются наружу. А у Александра Дольского — наоборот: свои эмоции он, как бы, прячет от слушателя, пытаюсь загнать их внутрь, и это ему не удаётся. Но тоже, как у Высоцкого, нет связанного текста, а в целом приводит к некоторому осмыслению и эмоциональному восприятию:

*Не нужно, не спеши, и разочарований
Зарытый в сердце клад наивным не дари.
Наш век нам воздаёт, но ждёт от нас стараний.
Теряя верхний слой, сверкают янтари.*

*Полсвета между дел ты обошёл когда-то,
Но в дебрях душ людских блуждаешь до сих пор.
И ты не генерал, и мысли не солдаты,
Но нужен им порой тактический простор.*

*Вперёд, мой друг, вперёд! Достаточно эмоций,
А драндулет мечты способен на полёт.
Увидим с высоты чем это обернётся.
А что нам остаётся? Вперёд, мой друг, вперёд!*

Мои постоянные хождения в дом культуры «Пищевик» в клуб авторской песни «Восток» наложили отпечаток на образ мыслей. Но я отвлекся. А в это время вокруг нашего купе всё больше людей, не желающих оставаться наедине с собой. Офицер ходил вдоль вагона, пытаюсь урезонить ребят, но вагон буйствовал. Поезд тронулся, призывники прильнули к окну, кричали: «Прощай, Питер! Жди нас! Мы к тебе ещё вернёмся!» Вот она удаль! Едут ребята Родину защищать! И я счастлив, что нахожусь среди них.

Город остался позади. Дело к ночи, народ стал успокаиваться, водка выпита, захотелось спать. Сосед заметил: «Нас везут на Северный флот. Когда садились в вагон, в тамбуре стояли матросы с автоматами, на погонах — «СФ». Матрасы, а тем более бельё, никто не выдавал, да и не просили. Я сидел с краю у прохода. Вдруг один здоровенный бугай грохнулся с третьей полки, головой ударился о моё колено. О своей боли я не думал, пытался парня привести в чувство. Товарищ, сидящий рядом, полил его голову водой. Бугай зашевелился, поднялся и полез на вторую полку. Мой сосед Миша заметил: «Зачем он забрался на третью полку? Так и убится можно. Со второй полки всё-таки не так высоко падать».

Утром остановились на какой-то станции. Один из наших крикнул: «Смотрите! Магазины! Бежим!» Два человека присоединились к нему. Серёга вслед прокричал: «Вернитесь! Автоматчики застрелят вас!» Но они уже бежали по улице. Мы переживали — вдруг не успеют. Но Миша успокоил: «Стоп-кран дёрнем». Миша оказался умный — всё видит, всё знает. Быть ему сержантом. Ребята успели на поезд вовремя. Автоматчики в них не стреляли, и никто не гнался. Ребята принесли вина, извинились перед нами: водки в магазине не оказалось.

И вновь — вино, анекдоты, частушки. Только не плясали, да и то потому, что места мало. Когда вино выпили, достали одеколон. Разбавили с водой, получилось совсем не плохо, если не считать гнусную отрыжку. Когда кончился и одеколон, Миша предложил: «Давайте зубную пасту

замешаем с водой, и будет хорошая выпивка. В зубной пасте содержится спирт». Пойло получилось наипротивнейшее, чем-то напоминающее жидкость, которую дают перед рентгеном желудка. Банка у разливалы выскользнула из рук, упала на пол, разбилась, и содержимое растеклось по купе. Запах болгарской пасты «Поморин» распространился по всему вагону. Кому-то повезло, не досталось «напитка».

Идущий по вагону офицер скомандовал: «Подъём!» Все нехотя зашевелились, но никто не вставал. Офицер по-отечески сказал: «Мурманск. Конечная станция. Выходим, ребяташки, приехали». Только после этих слов стали спрыгивать с полок. Судя по рассказам и анекдотам, мои попутчики были интеллигентнейшей публикой. Но в шеренгу по два на платформе опять толком построиться не смогли. Строй призывников выглядел вялым, то ли от недосыпания, то ли от обильной выпивки. Но офицеру уже не грубили, не огрызались, как это было на Московском вокзале.

* * *

В Североморск везли на автобусах. Приехали на объект Северного флота под названием «Экипаж». Тут должны были сводить в баню, выдать обмундирование и распределить по воинским частям. Офицер сказал, что можно свою одежду отослать домой по почте, но где почта и как отсылать — никто даже не спрашивал. Кто-то бросил клич: «Чтоб не досталась одежда никому, надо её порвать». И вот уже ко мне подошёл парень с бритвенным лезвием «Балтика» и попросил: «Режь меня на куски!» Я резал, и его, и других. Потом резали меня. Узкие полоски ткани висели на плечах будущих защитников Родины. От этого процесса гвалт стоял невообразимый, парни радовались последним минутам кажущейся свободы.

Повели в баню. Раздевшись, вошли в моечное отделение. Мне ещё не доводилось бывать в таких банях. От дыхания изо рта шёл пар. Народ бросился к кранам налить горячей воды. Но вода шла только из одного и была ледяной. После бани выдали воинское обмундирование. С сапогами вышла проблема. Я запросил сорок первого размера, который обычно носил, но они не налезали, так же, как и сорок второго, и сорок третьего. А когда взял у каптёрщика сорок четвертый размер, подошёл парень и очень аккуратно скрутил портянки на моих ногах, словно запелена ребенка. Теперь сапоги сорок первого размера стали впору. Мой добровольный помощник тоже призывник. Откуда он научился так ловко накручивать портянки? Вспомнилось, как нам, первокурсникам, в ПТУ выдали ботинки — одна пара рабочая, со странным названием «ГД», другая — «на выход». Я спросил старшекурсника:

— Почему такое странное название — «ГД»? Я таких ботинок в Гостином Дворе не видел.

— А причём здесь Гостиный Двор?

— Ну «ГД» — это же сокращённое название универсама.

Парень засмеялся.

Я примерил новые ботинки, попробовал походить, но они не гнулись. Поставил в сторону, решил, куплю вазелин, попробую их пропитать. Надел полуботинки, предназначенные «на выход», и пошёл в город. Во время прогулки неожиданно пошёл дождь, в Питере такое случается. Когда вернулся в общежитие, полуботинки развалились. Оказалось, что верх изготовлен из прессованного картона. Хотя бы предупредили, что обувь боится дождя, носил бы в помещении. Пришлось выбросить.

Переодевшись в военную форму, пошли на построение. Офицеры стали искать среди нас таланты. Я назвал свои спортивные результаты по бегу на средние дистанции. Одного из них это заинтересовало, он предложил пойти в спортивную роту, но я, подумав, ответил, что хочу в стройбат, мотивируя тем, что там смогу заработать денег, которые пригодятся после демобилизации. Офицер посоветовал ещё раз поду-

мать, сказав, что сильно пожалею о таком выборе. Будущее показало, он был прав. Деньги приходят и уходят, а достижения остаются навсегда. В воинскую часть двенадцать человек везли в фургоне. Из питерских, с кем успел познакомиться, никого. Ехали молча, рассматривая северную природу. Мне, равнинному человеку, интересно видеть горы. Здесь их называют сопками. Машина медленно пробиравалась по дорожному гололёду. Проехали пограничный пост и вскоре увидели залив с военными кораблями. Остановились возле одноэтажного барака. Здесь собралось около ста человек из разных мест нашей необъятной страны. Объявили, что в течение месяца будем проходить карантин. Я раньше считал, что бывает только медицинский карантин. После его прохождения мы должны были с автоматом в руках принять Присягу. С этого момента вся мера ответственности возлагалась на нас, как на военнослужащих. Рота была поделена на два взвода. Первое же собрание нашего взвода меня поразило. На вопрос политрука есть ли среди нас судимые поднялся лес рук. Из пятидесяти человек только пять-шесть не были под судом. Командир взвода по фамилии Денисюк имел детское лицо и для того, чтобы выглядеть старше и строже, старательно хмурил брови. От этого он казался смешным и глупым. За мою улыбочивость я сразу же получил два наряда вне очереди, был направлен чистить туалет. Я отказался, объяснив, что призывался служить, а не чистить туалеты. Тогда Денисюк обратился к старшине, тот от себя объявил три наряда вне очереди. Скажу сразу, туалет не чистил ни разу за всё время службы. Во мне зрел внутренний протест, хотя сознанием понимал, что все должны этим заниматься. Чем я лучше других? Не вписывался я в армейский порядок.

На четвертый день выяснилось, что наш командир склонен к издевательствам. Построив взвод, дал команду: «Смирно!» и предупредил, что тот, кто опустит клапана ушанок, получит два наряда вне очереди. А на улице мороз трескучий. Заполярье как-никак. Сам ушёл в казарму греться. Если бы он остался с нами, тут я бы понял, что он пытается в нас воспитать воинский дух, а так... Стояла безветренная погода, тут в первый раз я и увидел северное сияние. Оно стелилось на небе в виде искрящегося всеми цветами радуги полотнища, которое слегка шевелилось, создавая великолепный зрительный эффект. Я замер в восторге, заморожено смотря на небо, забыв команду «смирно» и не чувствуя мороза. Невозможно оставаться равнодушным, наблюдая это природное явление. Минут через пятнадцать вернулся сержант Денисюк, объявил наряды вне очереди трем бойцам, пытавшимся согреть уши ладонями.

Время проходило уныло: «подъем», «отбой», «стройся», «раз-два-левой», «запевай» и так далее. В ленинской комнате для чтения имелась только подшивка газеты «На страже Заполярья». От мысли, что так будет все два года, становилось совсем не весело. Потом подумалось: мы же в стройбате, от нас выполнение плана будут требовать, а не марш-броски.

Вот и подошёл главный день службы — принятие Присяги. Построили взвод. Перед нами стояла трибуна, где лежал текст. Сержант принёс автомат, но тут раздался голос командира роты, выбежавшего из своего кабинета: «Куда потащил оружие? Это же урки! Неси обратно».

Пришло время для распределения по ротам. Наш взвод оставался здесь, а половину другого взвода отправляли в посёлок Нерпичи. Я подошёл к Денисюку:

— Сержант, отправь меня в Нерпичи.

— Не могу. Я над тобой ещё покуражусь.

— Пойми, сержант, два медведя в одной берлоге не уживутся. Посмотри на табуретку, какая она прочная. Вот этой самой мебелиной расколю твою башку. Меня — в тюрьму, тебя — на кладбище. Тебя устраивает такая перспектива?

Сержант задумался:

— Я не смогу договориться. Ведь отправляют людей не из нашего взвода.

— Жить хочешь — договоришься.

И вот бойцы из первого взвода поехали в Нерпичью губу. Это оказался не посёлок, а всего одна казарма численностью вместе с нами, «молодыми» шестьдесят человек и растворно-бетонный узел (РБУ). Встретили нас «старики», с которыми предстояло служить ещё год. Они рассматривали нас, словно покупали лошадей, только что в рот не заглядывали. Вызвали меня к командиру роты. Тот объявил, что я буду командиром отделения, а на работе — бригадиром. Я пытался отказаться: «Как же руководить, если мне только восемнадцать, а ребятам уже по двадцать пять лет, если не знаю что такое штольня, место нашей будущей работы?» Командир выслушал и сказал: «Ты единственный, кому я могу доверить отделение, так как один из всех, пока, несудимый». Вот такой критерий профессионализма был у нашего командира роты.

Огорошенный услышанным, медленно шёл по центральному проходу казармы. Подошёл старослужащий, предложил обмен: мой новый ремень — на его дембельский, о чём указывали насечки на коже.

— Зачем мне твой старый ремень? У него на бляшке даже звезды не видно, вся стерлась.

— В армии принято, что «молодые» должны меняться со «стариками» имуществом, иначе «молодого» «старики» запашут. Не хочешь ремнями, давай меняться шапками.

— Да ты что! У меня новая, форму ещё держит, а у тебя какая-то развалюха. — Снял с его головы шапку, посмотрел внутрь. — Ты когда-нибудь её стирал? Голову когда-нибудь моешь?»

В глазах «старика» я прочёл: «Это или блатной, или полный идиот. Присмотрюсь, время покажет». Отошёл и больше не приставал.

Старослужащие говорили, что на работе выдадут оружие под названием БСА-110. Одного из «стариков» я тихо спросил: «Что это за оружие?» Он засмеялся:

— Это секретное оружие, расшифровывается так: Большая Совковая Лопата, длина черенка 110 сантиметров.

«Старики», уходящие на дембель, рассказывали, что не они начинали бурить штольню, что этим занимались ещё до начала войны. Тогда же был построен металлический пирс. Война прервала строительство, но много лет спустя, после демобилизации, я прочитал в исторических материалах, что СССР до войны отдал в аренду Германии Нерпичью губу и ещё одно место в Карском море. Немцы начинали стройку, перед самой войной забросили её и ушли, видимо, надеясь, что после нападения на нашу страну у них будет уже подготовленное место для военно-морской базы. Но советские войска не дали осуществиться этим планам.

В роте был принят определённый порядок: каждое отделение (десять человек) по очереди дежурило. Бойцы мыли полы в спальном корпусе и столовой, подметали территорию, чистили картошку. Старослужащие искали себе замену среди молодого призыва. Не все «молодые» могли сказать «старикам» «нет». Таким образом, по вполне понятным причинам, хозработы выполняли каждый день одни и те же люди. Для профилактики, чтобы они не возмущались, их регулярно били. Я в эту категорию не попал, сказавшись прошлый опыт учёбы в ПТУ, где второкурсники часто избивали меня за то, что отказывался быть у них на побегушках. Однажды, после очередной экзекуции, один из них сказал про меня: «Этот не доживёт до весны». Дожил. И даже получил опыт, который пригодился в армейской жизни. Видимо из моих глаз исчез страх. Среди «стариков» зверствовал больше всех старшина роты. Он строил наш призыв в шеренгу, командовал «смирно», выставлял кулак перед челюстью впередистоящего и проходил строй, кого задел или кто уклонился, того

и назначал дежурным. Старослужащие следили за тем, чтобы никого не пропустило. Я уклонялся, но меня они, как бы, не замечали. Обычно это происходило, когда старшина был сильно пьян.

Однажды к нам приехал проверяющий. Командир роты предупредил, чтобы была идеальный порядок. Иначе, «он нас будет иметь по полной». Непонятно, какой смысл он вкладывал в эти слова. Проверяющий оказался подполковником, имел две большие звезды на погонах. Дневальный, завидев его, вытянулся в струнку и стал докладывать: «Товарищ два майора вместе...» Подполковник замахал руками: «Дальше не продолжай», и сделал внушение командиру роты за невыученные бойцами звания. Чуть позднее к дневальному подошёл повар и сообщил, что обед готов. Дневальный по привычке громко скомандовал: «Рота, хавать!» Уголовное прошлое быстро не стирается. Командир роты, старший лейтенант Кошевой, которого мы между собой называли Кошей, подскокил к дневальному, злобно зашипел на него: «Ты что творишь, уголовная морда, дай нормальную команду!» Я наблюдал эту картину и думал: «Что они от нас хотят? Отработаешь смену в штольне, где не хватает кислорода, приходишь в роту, падаешь от усталости на койку, и уже нет сил учить звания и команды».

Некоторые бойцы из моего призыва, чтобы найти покровительство и защиту со стороны «стариков», искали земляков, оказывали им услуги: стирали портянки, обмундирование, приносили завтрак в постель. Сами же старослужащие таких земляков не уважали. Среди «стариков» моих земляков не оказалось, да если б и были — не стал бы им прислуживать. Не в моей природе терпеть издевательства. Отношения со «стариками» у меня складывались ровню. Ни с кем не дружил, но никто от моего общения не отказывался. Спрашиваю одного из них:

— Что за странный боец 31 декабря ходит по центральному проходу спального помещения в парадной форме? Его призыв давно дома, он не хочет на дембель?

— Летом он подбивал народ сбежать в Норвегию. Никто не согласился. Тогда он ночью (в Заполярье летом солнце не заходит за горизонт) побегал один. Пограничники поймали его у самой границы. За побег нарушителю полагалась, как минимум, штрафная рота. Но он выкрутился, сказав, что пошёл через сопки в городок за водкой и заблудился. «Как же ты реку Западная Лица преодолел?», — спросил его военный прокурор. «Когда заблудился, понял, что надо возвращаться в казарму, но на нервяке перешёл реку, забыв, что, идя из казармы, речку не переходил». «Немцы во время войны четыре года не могли перейти Западную Лицу, а ты в лёгкую проскочил и даже не заметил», — возразил прокурор. «Я же не немец, я русский. Русские в своё время перешли Берингов пролив и добрались до Калифорнии». Вот таких умников легче выгнать, чем посадить в тюрьму — меньше хлопот. Его и выгонят, чтобы он оказался за пределами части и погранпоста до Нового года. Во второй половине дня уедет.

На севере ветры — частое явление. Дуют неделями — не стихая. Это влияние холодного Баренцева моря. После Нового года пурга мела несколько дней. В одну из ночей шквалистый ветер оборвал линию электропередач. В роте не оказалось электростанции, работающей на солярке. О чём начальство думало? Всё оборудование работало на электричестве: кухня, котельная, освещение. На обед дали одну банку тушёнки на пять человек. От такого обеда есть захотелось ещё больше. Спать ложились в одежде, в одну койку вдвоём, накрывались двумя одеялами и бушлатами. Утром железные койки покрыты инеем. Все дороги занесло снегом. Питание заканчивалось. Командир роты Коша велел мне ехать вместе с ним на продуктовую базу. Хотя в кабине было два пассажирских места, но Коша сел один, меня отправил в брезентовый фургон. От холода у меня зуб на зуб не попадал, стал стучать кулаком в перегородку. Машина остановилась. Коша заглянул в фургон и спросил:

- Что случилось?
- Я сильно замёрз. Можно мне сесть в кабину?
- Потерпи, немного осталось.

Машина увязала в снегу, сдавала назад, потом опять вперёд. Холод был нестерпим. Опять стал стучать в перегородку. Коша нервно спросил:

- Ну что тебе не сидится?
- Я замёрз окончательно.
- Ещё немного осталось, городок уже виден.

Я поймал себя на мысли, что уже не дрожу, взгляд устался в одну точку, тянуло в сон. Понимал, что если усну, то умру. Но ничего с собой поделатъ не мог... Проснулся от криков матросов. Они были словно в какой-то дымке, я не понимал, что им от меня нужно. Матросы залезли в кузов, вытащили меня, усадили на табурет в небольшой комнате, дали горячего чая с тёплым хлебом. Спрашивали, что я чувствую. Это была хлебопекарня, где мы должны были загружаться. Спасибо этим ребятам, они спасли мне жизнь. Я понимал, что если бы ехали чуть дольше, меня бы уже никто не спас.

После загрузки машины продуктами на других складах, Коша опять скомандовал мне залезть в кузов. Я не противился, с продуктами было как-то веселей. С голодухи я набросился на сухофрукты... При выгрузке на склад столовой встретили Сторецкого, он, видимо, там подъедался. При встрече с командиром он задал ему вопрос:

— Послушай, лейтенант, у меня к тебе важный разговор. Я весной заканчиваю службу, иду на дембель, а по-прежнему рядовой. Ты хохол и я хохол, поэтому должен меня понять. Дай лыку! Хохол без лычек, что справка без печати. Как я домой вернусь рядовым?

— Сторецкий, какой ты грубый. Надо службой заслужить очередное звание.

- Как заслужить? Работаю проходчиком, жалоб не имею.
- Всё ты знаешь что надо.
- Понял, стучать на своих товарищей я не стану.
- Не обязательно на своих товарищей.

И у меня та же проблема. На меня напирал заместитель Коши. Говорил, как командир вверенного мне подразделения, должен информировать обо всех происходящих событиях, даже пригрозил, что, если не буду этого делать, он отправит меня на Новую Землю. Я обрадовался, хотелось попасть к белым медведям. Не останавливало даже то, что, по словам лейтенанта, из-за сильных ветров там приходится ходить в туалет по верёвке. Представил, как ползу в туалет, держась за верёвку, а вокруг свищет ветер. И что я должен докладывать? Как мы с Колькой убежали в самоволку, купили в местном магазине одеколон, выпили его? Или как заказывал водку через гражданских шоферов и вместе с бойцами выпивал из лампочек накаливания? Заместителя Коши за регулярное пьянство на работе отправили на остров Кильдин, который находится в Баренцевом море.

Моё внимание привлёк один боец нашего призыва. Маленький, худенький, плечи узкие, ноги в сапогах болтаются. Возник вопрос: как его в армию взяли? Он никогда не раздевался, видимо стеснялся своей худобы, так думали все. Но однажды ночью я застал его в умывальной. Он был без рубашки. Увидев меня, он скрестил руки на груди, словно что-то пряча. Я раздвинул руки и на его куриной грудке увидел наколку «Не перевелись ещё на Руси богатыри». Видно кто-то поиздевался над ним.

Обед часто представлял собой жалкое зрелище. Кастрюлю с супом ставили на стол, где сидели десять человек. В этом, так называемом супе, мясо не варилось, потому что его ещё раньше съели «старички» в рабочем вагончике. Картошки тоже не было, её жарили вместе с мясом и луком они же. Из кастрюли можно было выловить только кусочки капусты, да и то не всем они доставались. Солоноватая жидкость, а не суп.

На второе повар жидко разводил сухой картофельный порошок. Одна столовая ложка безвкусной белёсой воды — вот и второе блюдо. Чай не давали. «Старики» под картошку с мясом выпивали чифырь (очень крепко заваренный чай). Для нас повар брал сухие хлебные корки, укладывал их в марлю и кипятил. Получался мерзкий, не сладкий коричневый напиток со вкусом горелых корок, так как сахар пошёл старослужащим на брагу. Я заинтересовался, как же питаются наши командиры? Не ходят, ведь, они к «старикам» в строительный вагончик? Нет, всё просто, повар готовил для них еду отдельно.

Что-то мне со жратвой в жизни не везёт. В ПТУ нас, общежитейских, кормили в столовой Северного завода пять раз в неделю: завтрак, обед, ужин. Обед был лёгким, завтрак и ужин одинаковы — макароны и чай. От столовой идти около двух километров; пока возвращались в училище, завтрак успевал перевариться, есть хотелось ещё больше, поэтому попросили вместо ужина сделать усиленный завтрак. Нам пошли навстречу: к макаронам добавили тонкую котлетку. Расчёт исходил из семидесяти одной копейки в день, в том числе одиннадцать копеек за обслуживание, то есть за мытьё посуды и накладывание пищи в тарелки. Макароны выдавались холодными и комковатыми, видимо их готовили с вечера. В субботу и воскресенье не кормили, за эти дни выдавали деньгами — пять рублей сорок копеек в месяц. Вечерами в соседнем магазине мы покупали сто граммов сахарного песка (там для него заранее скручивали из газет кулёчки) и маленькую городскую булочку за семь копеек. После полочки могли позволить себе купить сто граммов дешёвых развесных конфет под названием «Кавказские» по рубль пятьдесят килограмм. Наливали холодную водопроводную воду в бутылки из-под молока, растворяли сахарный песок. Вот такой небогатый рацион по вечерам и в выходные дни. Кухонь и водонагревателей у нас не было, видимо из соображений пожарной безопасности. За изготовленную продукцию нам давали тридцать три процента от стоимости изделия, но так как всё делалось вручную, начиная от изготовления столярной плиты и клея, то «зарботки» были символическими. По окончании училища послали проходить производственную практику на завод «Алмаз». Чтобы заработать больше денег, вместо мебельного цеха напросился в лучшую бригаду плотников на внутреннюю обшивку военных катеров, там за вредность давали по бутылке молока в день. Люди в бригаде были отличными, каждый день кто-то отдавал мне своё молоко. Но денег больших там не заработал, за полтора месяца всем практикантам заплатили одинаково — по десять рублей. Обидно, конечно, обращались к руководству училища, но никаких доплат не было. В те времена уборщица зарабатывала семьдесят рублей. Когда призывали в армию, надеялся, что отъежусь, но «Кошина диета» не предполагала этого.

Штольня — это подземное сооружение в горе, состоящее из нескольких залов, чем-то напоминающих станцию метро. Работа по строительству этих сооружений считается вредной. По словам ребят, которые до армии были шахтёрами, угольная пыль сплёвывается, а бутовая, то есть та, что на нашем объекте, оседает на лёгких. Со временем возникает болезнь — силикоз. Нам давали марлевые повязки, но работать в них невозможно — через 5-10 минут они забивались пылью. Да если бы пыли не было, как в повязках бросать бетон в опалубку в течение смены? Не хватает воздуха. В штольне оборудована приточная вентиляция. Один раз попросили её включить, но тут же отказались от этой идеи — ледяной воздух Заполярья ринулся в наше пространство. Не был установлен калорифер, который бы согревал воздух. Возможно, не хватило денег на покупку оборудования или не хватило электрической мощности... в общем, чего-то не хватило.

За вредность каждому из нас выдали по пять банок сгущённого молока. Я с голодухи, запивая холодной водой из умывальника, в один присест съел все пять банок. Но чувство сытости не наступало. Остальные

поступили также, уничтожив все припасы сгущёнки, чтобы не досталось «старикам».

Не могу обойти вниманием фигуру Саши Виноградова. Так и не смог понять, то ли он косил под дурака, то ли таковым являлся. Кем бы он ни был, его комиссовали. Сашу знали все — от рядовых до полковников и даже командующий Северным флотом. Никто не называл его по фамилии, просто Саша. Когда он появился в бригаде, то сразу привлек к себе внимание. Смотреть на его лицо без улыбки было невозможно. Если его просили что-нибудь изобразить, вроде «посмотри, Саша, морским волком», все начинали хохотать. Для меня он ассоциировался с бравым солдатом Швейком. Чудил постоянно. Но однажды с его чудачествами познакомился командир батальона. По рассказу подполковника, он ехал по дороге в сторону нашей роты и увидел горящий костёр, а за камнем — лежащего на земле Сашу. Подполковник вышел из машины, и тут раздался взрыв. Разгневанный командир гаркнул: «Саша, ко мне!» Саша Виноградов, чеканя шаг, поднимая высоко ноги, как солдат почётного караула, доложил: «Товарищ подполковник, рядовой Виноградов боевой снаряд времён Великой Отечественной войны обезвредил». Раздраженный Сашиной самовольной отлучкой из роты офицер надавал ему тумаков и затолкал в машину. Вечером свободные от работы бойцы собрались в помещении столовой или, как у нас называли, на камбузе. Должны были показать фильм «Джентльмены удачи». Каждый из нас смотрел этот фильм больше десятка раз, но ничего другого не было. И тут дежурный офицер объявил, что фильм показывать не будут. Мимо меня прошёл Саша, и я спросил, почему он меня не замечает. Он отодвинулся на несколько метров, затем, чеканя шаг по каменному полу, приблизился ко мне и вскинул руку вперёд. «Саша, это приветствие наших врагов, ты больше так не делай. Организуй, лучше, показ фильма». Он встал у экрана и обратился ко всем сидящим: «Товарищи, я клянусь, что если сейчас не покажут фильм, то взорву к чертям собачьим кабинет командира роты!» Дежурный офицер сразу исчез. Через некоторое время фильм показали. Но утром Сашу увезли в Мурманск, в психиатрическую больницу. Через месяц он вернулся, сел на койку напротив меня и стал рассказывать о своём житье-бытье в больнице. Он стал другим: лицо не было смешным, слюной не брызгал, говорил спокойно, даже с иронией. Что это было: достижение медицины или его актёрский талант? Сашу комиссовали с учётом того, что его родители были алкоголиками. Это обстоятельство вполне могло отразиться на их сыне. Я был склонен считать, что Саша «закошил», но его не осуждал.

На мою койку подсел Генка из нашей бригады:

— Слышал, Сашу комиссовали.

— Да, говорили, увезли на дежурке.

— Рассказывают, что в соседней части тоже один «закошил».

— И тоже в «дурку» возили?

— Не знаю. Но как только двенадцать часов ночи — этот «крендель» начинал кукарекать, вся рота просыпалась. Его комиссовали, два солдата и летёха сопровождали поездом на родину. Время близилось к полуночи, ждали, что кукарекает, и готовы были растормошить его, чтобы не разбудил весь вагон. Полночь прошла, а «касатик» мирно спит. Эта троица рассуждает: «Почему не кукарекает?» А тот — с полки: «Я своё откукарекал, теперь вы кукарекайте».

— Да эта история на анекдот смахивает.

— Анекдоты часто из жизни приходят.

К нам в бригаду направили двух старослужащих, оба, по отзывам их призыва, любили «стучать» начальству. А тут, на мою голову, подошёл Колька, с ним мы были наиболее дружны в бригаде, и попросил срочно достать бутылку водки.

— Что за срочность? У тебя что-то случилось?

— Письмо получил от своей любимой девушки. Написала, что выходит замуж. А обещала ждать меня.

Водку я достал через гражданского шофёра. Колька не хотел ни с кем делиться личным горем, поэтому бутылку распили вдвоём прямо в штольне из лампочек, запивая водой, которая капала со свода. Выходя из штольни, я неудачно пошутил над ребятами из соседней бригады. Их было пятеро, мы с Колькой отбивались камнями. Они тоже ответили градом камней. Но обошлось. Вечером командир роты узнал об инциденте. На гауптвахту не послал, но предупредил, чтобы больше ничего подобного не было. На следующий день я направил Шульца (такова была фамилия осведомителя) разбирать опалубку внутренней стены. Когда он подал мне все доски и брёвна-стойки, я вытянул лестницу и заложил камнями с цементным раствором проём, ведущий наружу. Костя, работающий неподалёку, увидев это, спросил:

— Зачем ты замуровал живого в стену?

— Он меня и Кольку сдал командиру роты.

— Не слишком суровое наказание придумал? Может сначала предупредить? Ну, ты, конечно, сам решаешь.

Я постоял немного, подумал. Возможно, Костя прав. Он старше меня на семь лет, опытней в жизни. Может быть, стоит прислушаться к его словам? Взял лом, пошёл разбивать проём. Шульц никому не рассказал о случившемся, но что бы ни происходило в нашей бригаде, до начальства информация больше не доходила.

Командир роты не ограничился беседой, решил наказать меня за пьянку — в выходной день поставил дневальным. Всего дневальных трое: один отдыхает, другой стоит у тумбочки, напротив кабинета командира роты, и в случае появления в казарме офицеров должен доложить, что за время отсутствия начальства никаких происшествий не случилось. Третий на подхвате, если основному потребуется сходить в туалет или в столовую. Мне выпало дежурство на тумбочке ночью. Прилёг на ближайшую свободную койку. Только закимарил, повар принёс на подносе еду в кабинет к командиру роты.

— Василий, какой ты чуткий. Догадался, что я есть хочу.

— Приехал Коша с командиром части. Это ужин для них, не вздумай съесть.

Раз начальство должно прийти на ужин, значит надо стоять на посту. Но через некоторое время услышал звук отъехавшей машины, значит, дела важнее ужина. Я подошёл к спящему Кольке:

— Хочешь пожрать?

— А, что?

— Большую котлету с жареной картошечкой и солёным огурчиком, кофе с белым хлебом и толстым слоем масла.

— Гонишь? Издеваешься надо мной?

— Как хочешь. Тогда предложу другому или сам всё съем.

— Давай сюда.

— Вставай, будем ужинать как люди, в кабинете Коши.

Как говорится «голод не тётка», Колька встал с койки, пошли на ужин. Войдя в кабинет, увидев аккуратно накрытый стол на двух персон, Колька широко заулыбался.

— При такой хавке положена хорошая выпивка, у меня припрятан фанфурик «Тройного», — он выбежал из кабинета и через пару минут притащил флакон одеколona.

— Хотя предпочтение отдаю зубному элексиру, но что делать, за неимением лучшего, — поломался я. Включил транзистор, настроил на негромкую приятную музыку.

— Совсем как в ресторане, из тарелок едим, — жадно уминая котлету, сквозь набитый рот произнёс Колька.

— Куда ты спешишь? Жуй спокойно.

— Сознайся, откуда такие разносолы тебе достались?

— За то, что мы с тобой пошалили в штольне, Коша наказал меня, назначив дневальным, а потом подумал, что перегнул палку, решил про-ставить «мировую», предложил вместе с ним поужинать. Но я вспылал и поставил его подальше.

— Врёшь. Но если это правда, то нам тоже поделиться надо и плеснуть Коше одеколончику.

— Он с нами и водку не стал бы пить.

— Вот и зря. Представь: на День Военно-морского флота командир роты привозит водку, всем разливает, и все вместе — и рядовые, и офицеры — пьют за праздник. Мы бы чувствовали себя единой семьёй, а бы за такого командира жизнь отдал.

— В армии должна быть дисциплина, субординация.

— Дисциплина должна соблюдаться не за счёт дистанции, и не за счёт унижения одних другими, а за счёт строгого соблюдения своих воинских обязанностей.

— Тебе больше не наливать, смотри как разговорился.

Степенно поужинав, пошли спать. Уже сквозь сон услышал Кошин крик:

— Дневальный!

Я вскочил с койки.

— Где ты болтаешься? Кто съел ужин?

Рядом с Кошей стоял командир части.

— Не знаю. Я отошёл в умывальню, надо было там подмести.

— У тумбочки должен стоять дневальный, ни на секунду не отлучать-ся! А то, видишь! Съели всё, немытые тарелки только оставили!

— Простите меня, я первый раз в дневальных, отошёл только на одну минуту.

В армии есть такая переходящая должность — дежурный по роте. Он исполняет обязанности командира роты в его отсутствие, назначается из числа командиров взводов. Дежурный отвечает за порядок, а «старикам» порядок не нужен, поэтому должность считается «волчьей». Коша придумал мсть: за съеденный ужин назначил меня дежурным по роте. За плохую работу дневальным повысил меня в должности. Тут расчёт прост: если на командира взвода в этой должности «старики» выговаривали своё неудовольствие, то молодого бойца, «салагу», просто начнут бить. Я задумался: где слабое место в работе дежурного? Вспомнилось, что в столовой старики постоянно недовольны алюминиевыми мисками, которые выскальзывают из рук из-за жировой плёнки, застывшей на их поверхности. Меня удивляло: ничего жирного нам не дают, а миски после мытья жирные. Несдержанные «старики» звали повара, тот появлялся в кухонной амбразуре, и в него запускали миской. На дежурство должен был заступать утром, но уже с вечера пошёл на камбуз к мойщи-кам посуды:

— Мужики, почему на мисках образуется жировая плёнка?

— Да что мы, сами себе враги? В одной ванне в моечном растворе моем посуду, в другой — прополаскиваем в холодной воде. Всё делаем, как учили.

— Давайте попробуем перед подачей мисок на столы заливать их в ванне горячей водой и выдавать, когда кастрюли с едой уже на столах.

Коша пришёл на завтрак. Я впервые увидел его в столовой. Видимо захотелось увидеть, как «старики» будут измываться надо мной. Но всё прошло спокойно. Даже один из «стариков» заметил: «Сегодня миски не выскальзывали из рук». Коша не сдавался, ещё на несколько дней оставил меня дежурным по роте. И я «попался», правда, не «старикам», а командиру части. Тот зашёл в столовую, увидел за полчаса до обеда миски, не стопками, стоящие на столах, а лежащие в ванне. Мне объявил пять суток ареста и отправил работать... в штольню. Коше мсть не удалась.

Коша, конечно, ещё тот чудило: после отбоя незаметно ложился на свободную кровать и слушал, что про него бойцы говорят. Дифирамбы

ему никто не пел. Потом возвращался в свой кабинет, через дневального приглашал говоруна к себе и устраивал «разборку».

Жизнь в роте текла монотонно: работа — казарма. «Старики» любил собираться в сушилке. Что их там привлекало? Смерд от портянок и сапог стоял невыносимый. Старослужащие любили туда приглашать Серёжу, который считал себя талантливым певцом и, как всякому артисту, ему нужна была публика. Тут интересы сторон совпадали. Однажды к нам в роту приехали представители ансамбля песни и пляски Краснознамённого Северного флота. Искали таланты. Я сам не видел выступления нашего носителя культуры, но попробую воспроизвести со слов очевидцев. Серёжа встал перед экспертами, заложил руки за спину и сказал уверенным голосом человека, у которого за плечами сотни выступлений: «Я представляю вам две песни: одна — грустная, другая — весёлая». И запел, повернув голову вправо и вверх:

Зона, зона, зона, в три ряда колючка.

А за зоной роща вдаль меня зовёт.

А вы летите, тучки, в сторону родную,

Передайте милой пламенный привет.

Что мог исполнить Серёжа, который только и знал тюремный репертуар? Какова жизнь, таковы и песни. Представители ансамбля после первого куплета замахали руками: «Хватит, хватит!» Воодушевлённый своим выступлением Серёжа продолжил: «Я же обещал ещё весёлую песню». И запел:

На станции одной сидел военный,

Обыкновенный и пил нарзан.

Товарищ был по званию поручик,

А в дамских штучках был генерал.

Чтобы не травмировать самолюбие восходящей звезды стройбатовской роты, эксперты сказали, что окончательное решение они сообщат через руководство части. И, естественно, ничего не сообщили. Мы, военнослужащие строительного отряда, хотя и не состояли в труппах больших и малых театров, но попеть песни тоже любили. Как правило, это было после распития горячительных напитков:

Мы всё пропьём, но флот не опозорим,

Мы всё пропьём, но флот не отдадим.

Северный флот, Северный флот,

Северный флот — не подведёт!

Среди нас были не только певцы. Толя Гопко из Караганды любил читать стихи. И мне казалось, что это были его собственные стихи, хотя я его об этом не спрашивал. Это было заметно по тому, с каким азартом он их декламировал. Слушателем был я один, он считал, что над ним не стану смеяться. Возможно, надеялся получить положительный отзыв. Толя вставал передо мной, широко расставив ноги, руки сжимал в кулаки и, размахивая ими по воздуху, словно перед ним был не я один, а целый зрительный зал, выпаливал:

...Долой нарком и совнарком, и власть советскую!

Долой ЦК КПСС большевиков!

Средь нас найдётся ещё сила молодецкая,

Что в пух и прах всех разнесёт большевиков!..

Лицо его в эти минуты становилось суровым, тело напрягалось. Все стихи были только политической направленности, ни одного про любовь или про природу. Бытовая неустроенность, плохое питание могут породить в некоторых людях бунтарские настроения. Эти люди способны заразить окружающих своими идеями.

Мне нравилось бывать на растворно-бетонном участке. Там ребята замечательные, разрешали спортом заниматься. Принцип простой: чем дальше от начальства, тем спокойнее жить. В тот день надо было выходить на работу во вторую смену. Водитель самосвала предложил подвезти до штольни. Я стал ждать, когда загрузят машину. Погрузка затяну-

лась, мы опоздали к началу работы. Чтобы не попадаться начальству на глаза, пошёл через другой вход. Идя в полумраке по проходу, наткнулся лицом на тонкие цветные провода, которые спускались сверху со свода штольни. В голове сразу мелькнула мысль: сейчас будут взрывать, так как их к взрывным устройствам подсоединяют в последний момент. Никого вокруг не было. Куда бежать? Назад или вперёд? В боковом тоннеле услышал голоса, рванул туда и наткнулся на помощника взрывника. Увидев меня, он молча подошёл и крепко обнял. Такие любезности у нас не были приняты. Позднее я узнал историю: гражданский взрывник заболел. Взрывные работы откладывать было нельзя, поэтому за их выполнение взялся солдат срочной службы, его помощник. Он сделал всё грамотно: расставил посты, удалил людей от места взрыва. Но солдат, контролировавший вход, по которому я прошёл, убежал на минутку на контрольно-пропускной пункт «стрельнуть» сигарету. В этот момент я и проскочил. Взрывник, проводя подготовительные работы, положил палец на кнопку взрывного устройства... Кнопка не нажималась. Он встал и пошёл к месту предполагаемого взрыва. И там увидел меня. Его первый самостоятельный взрыв мог оказаться последним, психологически он не смог бы вернуться к профессии взрывника.

Как сказал основатель первого в мире социалистического государства: «из всех искусств для нас важнейшим является кино», поэтому других видов искусств в армии не предполагалось. И вот однажды, во время очередного просмотра фильма «Котовский», на камбуз вбежал боец с криком: «Горим!» В этот момент в фильме показывали, как жандармы подожгли пшеничное поле, чтобы «выкурить», таким образом, сбежавшего из-под стражи арестанта. Поэтому на такой возглас никто не среагировал. Вошёл второй боец и как-то спокойно сказал: «Пожар, ребята». Один из зрителей ехидно заметил: «Ещё один юморист». Через некоторое время вбежал третий, включил свет с криком: «Вы чего сидите?! Крыша уже сгорела!» Не торопясь вышли на улицу. Крыша камбуза в центральной её части действительно уже догорала, но стропила ещё стояли. И тут все забежали. Кто-то побежал за огнетушителями. Рядом с камбузом стояла цистерна с питьевой водой. Водитель ушёл посмотреть фильм, не слив воду, она замёрзла, и мы не могли ею воспользоваться. Ни один огнетушитель не работал, стали тушить ватниками. Пожар ликвидировали, но на утро не в чем было идти на работу.

Меня вызвал начальник стройки, капитан третьего ранга, мы звали его по имени-отчеству. Марк Дмитриевич спросил:

— Почему у бригады такая маленькая выработка?

— Моей подписи нет под нарядами. Вот список всех работ, которые выполнила бригада за месяц. Думаю, что в нарядах отмечена только четверть выполненных работ.

Мастер смены был из «стариков», он приписал наши работы бригадам, которые возглавляют старослужащие. Марк Дмитриевич смотрел на список, и в этот момент мне показалось, он думал: ломать сложившуюся в армии систему «старики-молодые» и работать по справедливости или оставить всё как есть? Я не стал прерывать ход его мыслей и молча ушёл.

В армии без шуток не обойтись, но и здесь надо знать границы, за которые нельзя допускать, иначе можно стать объектом насмешек. Так получилось, что в умывальной собрались три земляка из Татарии. Среди них Максим из нашей бригады. Он стал надо мной шутить. Вначале я поддержал шутку, но потом сказал: «Максим, ты переходишь всякие границы. Если так продолжишь дальше, я буду вынужден задушить тебя этим полотенцем». Здесь я совершил ошибку, ведь, как известно, за «базар» надо отвечать, иначе тебя не будут уважать. Максим неплохой парень, но ему было не остановиться. Он продолжал шутить «за красной чертой». Тогда я накинул ему на шею полотенце и начал душить. Максим

стал сопротивляться, я сдавил полотенце ещё сильнее. Он потерял сознание, упал на пол. Втроём били его по лицу, лили воду на голову, чтобы привести в чувство. Всё обошлось. Но ребята кому-то рассказали про этот случай, и слух разошёлся по всей роте: «С этим придурком шутить опасно». После этого события я никогда не был объектом шуток.

Перед сном или, как говорят в армии, перед командой «отбой» всегда делалась проверка личного состава. Рота строилась вдоль центрального прохода, и старшина выкрикивал чью-либо фамилию. Это делалось для того, чтобы определить, не сбежал ли кто в самоволку. Проверка была чистой профанацией. Куда на ночь глядя бежать в самоволку? Магазины не работают, гулять по сопкам без дела никто не будет. Старшина, глядя в журнал, выкрикивал:

— Семёнов.

— Я.

— Кольцов.

Кто-то в ответ кричал:

— В армию забрали.

— Швед.

— Под Полтавой раны зализывает.

— Грачёв.

— Я.

— Семшов.

— Спит.

— Как спит? — возмущался старшина. — Все должны быть в строю.

Разбудите его.

— А его нет.

— Где же он?

— Значит на работу ушёл.

— Ночная смена не его.

— Ну что ты, старшина, придрался? Хочет человек поработать — пусть трудится.

— Трусов.

— Я.

— Хабибулин.

— На дальняк (так у нас называли туалет) ушёл.

— Как вечерняя поверка, так Хабибулин на дальняке.

— Куда же ему ходить? В шконку (кровать)?

— Иванов.

— Я.

— Скворцов.

— На работу вызвали.

— Да кому он там нужен.

— Селезнёв.

— Я.

Так проходила переключка. Половины роты нет в строю. Кто на работе, кто на дальняке...

Странный боец по фамилии Швед недавно появился в нашей роте. Откуда прибыл — неизвестно. Всем говорил, что служил уже год. Но в первую же ночь опорожнил в койку мочевой пузырь. В спальном помещении на тот момент насчитывалось сто шестьдесят человек. Смрад стоял невыносимый. Ему предъявили претензии и в «ласковой форме» предложили, чтобы шёл к фельдшеру, там спал, и там же лечился. Он не внял просьбе и на следующую ночь вновь освежил постель. Второе обращение было более категоричным, Шведу понадобилась бодяга, чтобы скрыть излишества «натуральной косметики» под глазами.

Я сидел в медпункте у своего земляка фельдшера Кости, он рассказывал про кафе «Мерани», что на улице Анны Ульяновой. Он там часто бывал, любил есть шашлыки и запивать хорошим красным вином. Я тоже, как и Костя, жил и работал на Петроградской стороне, только в

отличие от него ходил в дешёвую столовую, что на Большом проспекте, и иногда за компанию, в рюмочную на углу Большого проспекта и Гатчинской улицы. Рюмочной её, правда, назвать сложно, скорее полстаканная. Там стояли автоматы, но не для газированной воды. Бросаешь в щель двадцатикопеечную монету, аппарат наливает полстакана вина под названием «Солнцедар». Знатоки говорили, что жидкости в стакане ровно восемьдесят три грамма. В вине плавали нерастворимые хлопья, а вкус... ничего противнее я в жизни никогда не пил. Но ради поддержания компании чего только не выпьешь. Мы с Костей делились воспоминаниями о гражданской жизни, и тут вошёл Швед. Одну из его проблем можно было прочесть на лице. «Швед, я слышал о твоей болезни, — Костя разломал таблетку на две части. — Эту половинку выпьешь вечером, а эту — утром. Смотри, не перепутай. Спать будешь в изоляторе. Я в казарме не сплю, тоже ночую в этой комнате, если нафуришь в койку — я займусь твоим воспитанием».

Через неделю Швед вернулся в казарму. В койку уже не мочился. При случае я спросил у Кости:

— Как ты так быстро вылечил Шведа?

— Выбор таблеток у меня невелик. Что попало под руку, то и дал. В первую же ночь он нафурил, я набил ему морду. На вторую ночь история повторилась, и Швед понял: «косить» под больного — себе дороже.

Установилась тёплая летняя погода. Мы даже сняли с себя ватные армейские фуфайки. Аман предложил искупаться в Баренцевом море. Я согласился, мне ещё не приходилось плавать в море. Финский залив можно не считать: вода там пресная. Нерпичья губа тоже залив, но вода в нём солёная. Нашли песчаную отмель в двух километрах от казармы, сняли с себя всю одежду. Трусов нам не выдавали, а купаться в кальсонах — несерьёзно. Даже на мелководье вода леденючая. Тогда побежали. Бежали грудь в грудь, пытаясь обогнать друг друга. Когда уровень воды оказался чуть ниже колена, упали с криками, смехом и воплями. При таком звуковом сопровождении вода казалась не такой ледяной. Но когда холод проник до костей, побежали назад. Рядом с местом, где мы оставили одежду, стоял автомобиль «ГАЗ-66», загорали две девушки с парнями. Мы подбежали к одежде, двумя руками пряча своё «достоинство», под воздействием холода оно стало маленьким. Но парни не отдавали нашу одежду. Один из них в приказной форме заявил:

— Ты как стоишь перед офицером! Руки по швам.

Все засмеялись, кроме нас с Аманом.

— Когда ты без формы, то такой же, как и мы, голодранец.

— Как со мной разговариваешь, «сапог»? — не унимался парень. По поганам на аккуратно сложенной морской форме было видно, что они действительно офицеры. Обращение «сапог» было принято у моряков по отношению к солдатам.

— Да как ты со мной, «шнурок», так и я с тобой, — продолжал перепалку я. «Шнурками» называли солдаты моряков, носивших ботинки.

— Сергей, — обратилась к парню одна из девушек, — нам скандалов не надо, отдай им форму.

Взяв одежду и сапоги, мы отошли в сторонку и оделись.

— Эти женщины явно не их жёны, — уверенно заметил Аман.

— Почему ты так решил?

— Между мужьями и жёнами другие отношения.

— Может ты и прав. В нашем городке одни жёны офицеров, а их мужьям приходится по несколько месяцев находиться в море. Без мужского тепла тоскливо становится. Вот и греются с холостыми парнями на морском песочке.

— Думаю, что не только на песочке.

Полярный день. В этот период года солнце не заходит за горизонт, проходя низко над сопками, оно вновь поднимается, обозначив начало нового дня. Я, Коля Федосеев и Костя Чертецов шли на работу в ночную

смену. Посреди дороги, ведущей на сопку, где строили водонапорный резервуар, стоял гусеничный вездеход.

— Неплохо бы покататься на этом танке, — вдруг ни с того ни с сего ляпнул я.

— Так в чём же дело? Поехали! — оживился Колян.

Костя не одобрил наш энтузиазм:

— Думаю, эта техника посложней, чем твой горбатый «Запорожец».

— Мне доводилось трактор водить, — не унимался Колян.

Залезли в кабину, Коля стал дёргать рычаги. Машина медленно поехала, но почему-то назад. И сколько бы Коля не хватался за рычаги, ничего не менялось. А сзади обрыв, если не остановимся, то при падении перевернёмся на крышу, переломаем себе шеи. Костя резко толкнул меня в бок: «Давай, выпрыгиваем!» Я открыл дверцу кабины и замешкался, увидев движущиеся гусеницы, предстояло прыгать через них. Но тут вездеход остановился. Вылезли из кабины, до обрыва оставалось метра полтора. Повезло. Нервно посмеявшись, пошли на работу.

Утром, придя с ночной смены, позавтракали, умылись, я стал укладываться спать. Дневальный позвал Толю Гопко к командиру роты. Когда он вернулся, я спросил:

— Зачем вызывал?

— Вчера мы с ребятами увидели, что вы катаетесь на вездеходе, нам тоже захотелось. Впятером набились в кабину, поехали по дороге в сторону городка. Повстречалась дежурная машина с начальником новой штольни, и он меня узнал. Вот сегодня и спрашивал: куда подевали вездеход, кто со мной был.

— Ну и как? Всё честно рассказал?

— Да иди ты! Я сказал, что ничего не помню, и на то есть уважительная причина: был сильно пьян.

— И как? Поверил?

— Сказал: «Пошёл вон, шутник!»

— Даже не объявил десять суток ареста?

— Забыл, видимо. Слыхал, Дорофеева опять на «губу» послали? А ты ведёшь подсчёт своим суткам ареста?

— Зачем? Я ни дня не сидел. На работе от Дорофеева толку никакого, вот поэтому и посылают на гауптвахту. Ты лучше скажи: куда вездеход подевали, коль его ищут?

— За ручьём не вписались в поворот и съехали с дороги. Вездеход застрял в болоте.

— Ну и как? Весь утоп?

— Не весь, только гусеницы скрылись. Хотя за ночь, может быть, и весь ушёл.

— Покатались, ничего не скажешь.

* * *

Мы с Толей Гопко сидели на скале, смотрели на воды Нерпичьей губы. Зимой, когда привезли сюда, множество нерп устраивали лёжку на льду, выплыв из полыньи. Они и летом появлялись, выглядывая из-под воды своими мордашками, чем-то напоминающими собачьи, только без ушей. А сейчас их не было видно. После того, как начались взрывные работы на новой штольне, нерпы исчезли, не понравилось, что их бомбардируют с воздуха камнями.

Толя прервал молчание:

— Скажи мне: что такое жизнь и как ты её понимаешь?

— Ты съел что-нибудь не то, что потянуло на философию?

— И всё-таки...

— Я мало пожил, чтобы делать такие умозаключения.

— Исходи из своего жизненного опыта.

— Я созерцаю, сравниваю, прихожу к каким-то выводам, одним словом учусь. В отличие от тебя выполняю пассивную роль. Ты по духу бун-

тарь, революционер, готов всё поломать, разрушить. Мне больше нравится создавать, что-то строить.

— Меня называют разрушителем, но взять, к примеру, Бога Шиву, я о нём тебе раньше рассказывал. Его считают Богом-разрушителем, но он же и Бог-созидатель. Он расшатывает человеческие стереотипы, комплексы, иллюзии. Чтобы развиваться, надо уметь ломать старые представления...

— Вот ты в своих стихах...

— Да в моих стихах больше эмоций, чем содержания, если их вообще можно назвать стихами. Я считаю, что критерий жизни — это смерть. Когда человек чувствует её близость, он начинает активно трудиться, желая успеть сделать то, что является главным в его жизни. Мозг мощно работает, появляется прилив сил. В это время чувствуешь себя счастливым.

— Не у всех так бывает. У кого-то в кризисных ситуациях мозг наоборот тормозит. Могу согласиться только с тем, что перед смертью люди оценивают свою прожитую жизнь. Многие считают, что счастье — в покое.

— Мне ближе слова Блока: «И вечный бой, покой нам только снится...»

— У тебя всё наоборот, не как у людей — чтобы быть счастливым, близость смерти подавай.

— Ещё до «посадки» в тюрьму, я занимался лёгкой атлетикой в детской спортивной школе, у нас в группе был парень с врождённым пороком сердца. Врач не допускал его до соревнований. Ты бы знал, какая у него была жажда жизни! Чем он только не занимался!

— Тебе бы на философский идти учиться.

— Я хотел в МГУ, но не получилось.

Не хотелось спрашивать, почему не получилось: не сдал экзамены или загремел в тюрьму. Чувствовалось, что эта тема ему неприятна.

Я с детства боялся высоты. Ребята вставали на край плоской крыши блочного дома и пытались посмотреть вниз, опустив голову. Мне было страшно. Но один раз, после «подкальвания» друзей, всё же решился. Стоял на краю ни жив, ни мёртв. А когда посмотрел вниз, показалось, что меня туда тянет. Закрыв глаза и сделал шаг назад. Потом решил, что это развлечение — большая глупость, не проявление храбрости. И вот сейчас, здесь, в армии, мне предстояло работать на высоте. Конечно, это не высота двенадцатиэтажного дома, но метров тринадцать-пятнадцать было. Нам выдавали монтажные пояса, которые должны были страховать на высотных работах. С такой страховкой, как собачка на привязи, работать нормально — невозможно. Пояса надевали, лишь бы начальство не придиралось. И вот однажды, спускаясь по вертикальной лестнице с подвижной опалубки свода штольни, я перехватывал ступени-прутья левой рукой, а правой держал двуручную пилу. Лестница ограждена, поэтому шёл без опасения. Но метра за три до земли ограждение заканчивалось, и именно в этот момент я умудрился промахнуться рукой. Падая, сообразил, что лестница расположена строго посередине рельса, по которому движется опалубка. В последний момент правой ногой оттолкнулся от ступени, иначе бы ударился спиной, а может быть даже головой о рельс, и упал на шпалы. Почувствовал сильную боль в бедре. Пролетав несколько минут, перевернулся и медленно поднялся на руках. Боль понемногу затихала. На следующий день предстояло подняться на отметку девять метров по арматурной сетке. Помня о вчерашнем происшествии, двигался вверх аккуратно, держа в правой руке топор. Выполнив работу, стал спускаться. От привычек трудно сразу избавиться, опять ухватился левой рукой за арматуру... и опять промахнулся. Падал на правый бок, увидел на земле большой камень, понял, что падаю на него. В это мгновение вспомнил, что когда поднимался, видел торчащий из стены длинный кусок тонкой арматуры. Падая вниз, резко в воздухе развернулся влево и ухватился за неё, как утопающий за соломинку, при этом не выронив топор. Затем медленно стал спускаться

ся по арматурной сетке вниз. Чем можно объяснить, что падая, я успел представить страшную картину и развернуть своё тело в полёте на двести семьдесят градусов? То ли время в моём сознании растянулось, то ли скорость мышления в критические моменты возросла в несколько раз? Это осталось для меня непонятным до сих пор.

Из молодого пополнения моё внимание привлёк небольшого роста, щуплого телосложения нелюдимый парень. Подошёл к нему:

— Сейчас лето, а ты на правой руке носишь рукавицу. Это зачем?

— У меня кисть мёрзнет.

— Что с ней? Покажи.

Он снял рукавицу, и я увидел, что три пальца отсутствовали, да и большой палец был разрезан вдоль, не сгибался. Действующим был только указательный.

— Как же тебя угораздило в армию попасть?

— В военкомате пошутили — указательный палец есть, на курок нажать сможешь. Сейчас сторожем работаю на новой штольне.

— Ты обращался к командиру роты, чтобы комиссовали?

— Конечно. Обещал, что подготовят документы и комиссуют. Но вот уже восемь месяцев прошло, а документы не готовы. Думаю, дадут дослужить полный срок.

— Что случилось с твоей рукой?

— В детстве любили с ребятами ходить по трофеям.

— Непонятно. Что значит «по трофеям»?

— В лесу с помощью щупа искали оружие, снаряды, патроны. Однажды положили снаряд в костёр. Он не взрывался. Я подумал, что костёр потух, решил подбросить дров. И вдруг... взрыв. Хорошо, что жив остался.

— После этого случая, наверняка, перестали ходить по трофеям?

— Я перестал, ребята всё равно ходили.

— У меня на гражданке был знакомый дедок, у него, как и у тебя, повреждена правая рука. Он рассказывал историю предка, который был выходцем из Прибалтики. В одном из сражений он повредил руку. Рука мёрзла, он надевал рукавицу. В старые времена рукавицы назывались голицами, вот откуда, по словам деда, и пошла фамилия Голицын. Я неудачно пошутил, сказав, что фамилии часто давали от профессии, так появились Плотниковы, Столяровы, Кузнецовы. А Голицын, возможно, шил рукавицы. Дед на меня тогда обиделся.

— Если он себя считал дворянином, конечно, есть повод для обиды.

— Одна из ветвей семьи Голицыных перебралась жить в Архангельскую область, поменяла фамилию на Тимофеевы. На вид дедок — товарищ серьёзный, но я всё равно ему почему-то не очень поверил.

— Интересно, современные дворяне дерутся на дуэлях?

— На дуэлях дерутся только дворянин с дворянином. Дедок рассказывал, что во время Великой Отечественной войны его оскорбил лейтенант. И мой знакомый ему сказал: «Если бы ты был дворянином, я бы тебя вызвал на дуэль». А тот ответил, что он и есть польский дворянин. И ты представляешь — они стрелялись на винтовках.

— Если судить по тому, что твой знакомый рассказал эту историю, значит, он поляка застрелил?

— Я спросил, но он отмахнулся... Ты всё-таки проверь своё генеалогическое древо, может быть из знатного рода.

— Хватит прикалываться.

Не прошло и полгода, как наш призыв потерял одного из товарищей. Я уже писал, что «старики» выбрали нескольких человек, которые вкалывали на всех хозработах, спать им доводилось по четыре часа в сутки, а в штольне приходилось работать и за себя, и за старослужащих. В нашей бригаде таких не было.

Казах Акыл из соседней бригады, добрый и отзывчивый, интересный собеседник, был из интеллигентной учительской семьи. В тот день на работе от недосыпания и усталости Акыла шатало. Один из «стариков», вместо того, чтобы дать отдохнуть, наорал на него и ручной лопаты с размаху ударил по голове. Голову ему не разбил, на голове была строительная каска, но сильный нокдаун Акыл получил. После этого его послали на свод штольни снимать опалубку. По окончании работ снизу крикнули, чтобы он садился на подъёмную платформу для спуска на землю. Когда платформу опустили, в ней никого не было. И тут все увидели Акыла, висящего на арматуре свода. В возникшей тишине он отпустил руки и упал на землю. Умер сразу. Ребята из нашего призыва сделали вывод: это было самоубийство, «старики» его замордовали. Но официальное заключение гласило: несчастный случай. Никто не был наказан. Я спрашивал у «молодых» из его бригады, почему они допустили такой беспредел. По их словам, «старики» и над ними издевались также, просто Акыл не выдержал. На похороны нашего товарища мы собирали для родителей по пять рублей, чтобы хоть как-то показать своё сопереживание их горю.

Потом приходилось скидываться на похороны ещё не раз.

Наш старшина готовился к дембелю. На его место прибыл старшина-бессрочник. Крепко сбитый мужичок стал постепенно наводит порядок в роте. Поначалу его зычную команду: «Рота, спать!» по привычке никто не воспринимал, бойцы продолжали расхаживать по спальному помещению. Затем следовал новый приказ: «Урки, спать!» Опять та же картина, словно никто ничего не слышал. Но как только раздавалась команда: «Спать, уркаганы!», весь центральный проход мгновенно освобождался, все шарахались врассыпную, потому что вдоль центряка старшина запуская табуретку. Такое обращение, как «урка», «уркаган» уже не резало слух, человек ко всему привыкает, привык и я. А вот за то, что кормить стали значительно лучше, наш призыв был благодарен старшине. Беспредел заканчивался. Пьянки продолжались.

Как-то так получилось, что у меня оказался спортивный инвентарь: штанга с блинами, гиря, гантели и резиновый эспандер. Я тренировался один. Однажды подошли два бойца моего призыва Игорь и Паша, попросились заниматься.

— Паша, для чего тебе нужны тренировки?

— Чтобы «старикам» морды бить.

— А тебе, Игорь?

— Хочу выйти на пляж Петропавловской крепости, раздеться, и чтобы все девчонки были моими.

— У вас обоих хорошая мотивация, от занятий будет толк.

Дальнейшие события показали: Паша собрал команду из семнадцати человек и стал избивать наиболее борзых «стариков». Некоторых провожали на дембель так, словно грузили мешки с картошкой. Самостоятельно они не могли сесть в машину. Всякое преступление должно иметь наказание, в наше время появились свои Робин Гуды. По поводу Игоря — ничего не могу сказать. Выходил ли он на пляж Петропавловской крепости? Не знаю. Но знаю точно, что Игорь успел жениться до начала купального сезона.

Летом прибыл новый командир роты лейтенант Еремеев. Во время построения рядом с ним стояла его жена, видимо, для моральной поддержки. Оба пузатые. Стоя в строю, мы перешёптывались о том, как они занимаются любовью. Предлагались разные версии. Для пущей солидности новый командир сообщил, что до направления к нам служил в Генеральном штабе. Мы были удивлены — какие обязанности можно исполнять в таком уважаемом учреждении, будучи в звании лейтенанта? Позднее он похвастался, что примерял фуражку Рауля де Кастро, главнокомандующего армией Кубы. Мы единодушно решили: был гар-

деробщиком в Главном штабе. В первую же неделю лейтенант отправил на гауптвахту за пьянство

восемнадцать человек. Но как только они доехали до места своей временной дислокации, пришла новая команда от начальника стройки Марка Дмитриевича — всех вернуть. Строительство объекта нельзя останавливать на десять суток. Нужных людей, без которых стройка не может обойтись, не отправляли на гауптвахту. Мне тоже объявляли и пять, и десять суток ареста, но ни разу не посылали на «тубу». Правда, за два года в отпуск меня тоже не отпустили. Даже как выглядят увольнительные листки, мне не довелось увидеть.

Не получилось с наказанием, тогда командир роты решил нас воспитывать. Пригласил лектора, который стал рассказывать о вреде пьянства, а также сообщил, что созданы специальные профилактории, где излечивают от этого пагубного заболевания. С лектором не согласился боец по кличке «Блокада». После кошинской «диеты», он ел по несколько порций, всё не мог насытиться, да и призывался из Ленинграда, так что кличка «Блокада» прочно за ним закрепилась. «Я лечился три раза в этих профилакториях, результата никакого нет. Продолжаю пить», — эмоционально возразил он. Лектор посмотрел на командира роты, тот кивнул головой в знак согласия с этим фактом. «Блокада» несколько раз брал аккордную работу на отпуск. Но, как только выходил приказ о предоставлении отпуска, он напивался, и побывка накрывалась. Один раз «Блокада» всё же сдержался и уехал домой. Обратного в часть не вернулся — пришла бумага, что комиссован как хронический алкоголик.

Новый командир роты оказался, в отличие от Коши, умным мужиком. Он понял одно: если нельзя наказывать, то надо улучшить условия пребывания в роте. Организовал замену покрытия пола в спальном помещении, что значительно упростило уборку, установил душ и писсуары в роте. А что было раньше? Зимой вокруг роты — желтые пятна на снегу, летом — неопишуемая вонь. За такие действия командир быстро заслужил уважение со стороны подчинённых.

Бетонировали перекрытия второго тоннеля, проходя по которому три месяца ранее, я чуть не попал под взрыв. Моросил дождь, мелкие камни падали со склона горы. Они не убили бы, ведь мы работали в строительных касках, но всё равно неприятно и даже больно. Я обратился к начальнику смены лейтенанту Ветрову с просьбой перевести нас на другой участок, а здесь продолжить работы, когда закончится дождь. Он душевно попросил потерпеть, мы продолжили, но до конца смены не успели закончить. Пришла другая бригада, они должны были завершить бетонные работы. Мы отправились в казарму. Пройдя метров сто пятьдесят, услышали грохот. С ужасом поняли — портал обвалился. Побежали назад в надежде кого-нибудь спасти. Оказавшись на месте, увидели, что многотонная масса скальной породы рухнула и сокрушила всё, что мы в течение смены бетонировали. Разрушились даже железобетонные блоки кабель-каналов, которые находились значительно ниже перекрытия. К нам подошёл нервно улыбающийся начальник второй смены лейтенант Ребров. Я сразу спросил:

— Есть погибшие?

— Ни одного. Увидев, что со склона горы падают мелкие камни, я увёл бригаду на другую площадку, сам пошёл по бетонному кабель-каналу, и буквально, в метре передо мной всё рухнуло. У меня ни единой царапины. Ощущение, что сегодня родился второй раз.

Я понял, нас от смерти отделяли каких-нибудь десять минут. Обычно бригады чуть задерживались, заканчивали начатую работу, чтобы эти объёмы записали на них, а в этот раз ребята сказали: «Идите, мы завершим, тут немного осталось, а вы их запишите на себя». Это нас и спасло.

Неделю спустя политрук пригласил меня в свой кабинет, предложил вступить в комсомол.

— Не имею никакого морального права, так как уже был в комсомоле и, в связи с утратой доверия, вынужден был сам себя исключить из этих славных рядов.

— Ты что, сюда кривляться пришёл? Через три дня не напишешь заявление в комсомол, будешь работать «на ломике».

Зря я в шутливой форме начал беседу. Разозлил его только. «На ломик» мне не хотелось. В мороз и ветер стоят бойцы в воде и тупо долбят каменистый грунт, чтобы прорыть траншею. К концу смены сапоги сырые, портянки хоть выжимай. В штольне лучше, там хоть и опасней, но ветра нет. Напишу заявление, после первой пьянки всё равно выгонят... Нет, я не привык, когда на меня давят.

Лейтенанта не обманул. Заканчивалась учеба в профессионально-техническом училище и нас, пятерых выпускников, пригласил для беседы секретарь комсомольской организации. Он сказал, что если мы не вступим в комсомол, то вместо дипломов получим справки о том, что прослушали курс обучения без присвоения разрядов. Тогда, как мне показалось, я нашёл решение: надо сделать так, чтобы комсомольцы сами от меня отказались. В те годы очень популярной была группа «The Beatles», молодёжь носила длинные волосы, как их кумиры. Нарушителей правил общественного порядка милиция сажала на пятнадцать суток под арест, стригла наголо под машинку. Я пожертвовал длинными волосами, подстригся, как правонарушитель. Этого показалось мало, попросил приятеля, чтобы он побрил мне голову безопасной бритвой, потом ещё и кремом намазал. Моя макушка блестела в лучах весеннего солнца. Я был доволен результатом. Теперь комсомол от меня точно откажется! На следующий день секретарь Николаев повёл нас в Ждановский райком комсомола. Было стыдно идти по улице в таком виде, пришлось надеть кепку. Войдя в кабинет инструктора райкома, я снял её, чтобы отражённые от головы лучи солнца, ослепили столоначальника. Но он, как бы не замечая моей бритой головы, спросил:

— С Уставом и Программой комсомола все ознакомились?

— Я не читал ни того, ни другого документа, — выпалил я.

— Вижу, что вы честные и достойные ребята. Поздравляю с вступлением в комсомол! А с этим товарищем, — инструктор показал рукой на меня, — вам, товарищ Николаев, надо поработать персонально.

В эту секунду я почувствовал слабость в ногах, поняв, что моя жертва оказалась напрасной.

Кроме силовых тренировок, мы с Игорем ходили на маленький полуостров, где он показывал основы бокса, и проводили лёгкие спарринги. В этот день всё было как обычно, но внезапно услышал издали, со стороны новой штольни, свою фамилию. Прозрачный и необыкновенно чистый воздух способен далеко разносить звуки. Через некоторое время крик повторился. Затем тишина. И вдруг — взрыв! Вокруг летели камни, шоркая о карликовые берёзки, вода в заливе вспенилась. От взрывников я слышал, что при направленном взрыве в зоне действия даже мышь не остаётся в живых, а мы с Игорем всё-таки покрупней мыши будем. И под конец раздался свист летящего снаряда, как в фильмах про войну. Я закрыл голову руками, чтобы в случае попадания хоть как-то смягчить удар. Игорь стоял с согнутыми руками в стойке боксера Агеева. В метре от нас упал камень, сантиметров восьмидесяти в диаметре. «Игорь, надо бежать, может быть повторный взрыв» — крикнул я. Мы побежали. У казармы встретили двух бойцов, которые повели себя странно: ко мне подошёл Толя Гопко, схватил за обе руки. Он сильный человек, шахтёр, прошедший тюремную школу жизни, не смог совладать с собой. Я ощутил его нервную дрожь. Вот что рассказал Толя: «О лейтенанте-взрывнике ходили слухи, что с головой не дружит. Он отказался от огра-

дительных постов. Когда ребята стали кричать, чтобы вы ушли из зоны поражения, лейтенант бросил фразу: «Прыгают. Сейчас допрыгаются». И нажал кнопку взрывателя. После того, как пыль улеглась, никого не увидев, мы поняли, что вас накрыло взрывом, почувствовав себя сопричастными к убийству, избили лейтенанта сначала кулаками, потом ногами. Затем пошли в казарму сообщить о случившемся. И тут увидели вас». Я понял, почему наша встреча вышла такой нервной и эмоциональной. Перед дембелем Толя с другими ребятами опять избили этого лейтенанта и толкнули в залив, видимо, пережитое нервное потрясение не прошло для них бесследно.

Два события, угрожающие моей жизни, связанные со взрывами, произошедшие с небольшим перерывом во времени, навели на мысль, что в своей жизни делаю что-то не так, судьба хочет обратить на это моё внимание. Я задумался.

Подошла осень. Мои размышления об армии были невесёлыми. Я откасался от спортивной роты в пользу стройбата только по причине возможности заработать денег. Прошло более полугодя, и каков итог: триста шестьдесят рублей долга перед государством. А если и дальше буду так зарабатывать? Каждый день идём в штольню как в последний раз, а зарплата — пятьдесят рублей. Уборщица за два часа работы в конторе получает семьдесят. Ещё и в роте высчитывают за питание, обмундирование, постельное бельё, ремонт обуви, который никогда не делали, и так далее. Вот отсюда и долг перед государством. Ясно, что срок пребывания в армии закончится — всё равно домой отпустят, долг спишут, но я же предполагал вернуться не с пустыми руками. Надо искать другую работу. Но тут не напишешь объявление. Буду спрашивать, кто-нибудь да возьмёт.

Не помню: то ли нашёл работу, то ли работа нашла меня. Воинская часть, которая находилась в посёлке Заозёрный, вела строительство дороги. Из наших здесь никто не работал. Преимущества были налицо: от строительного объекта до казармы мог дойти пешком, зарплата ожидалась значительно выше, чем в штольне. Основной моей задачей было сторожить строительную технику во время отсутствия бригады. Но постепенно навесили и другие функции: составлял наряды, при этом не забывая себя в них упомянуть, подписывал водителям товарно-транспортные накладные, контролировал, чтобы ребята строили дорогу в соответствии с требованиями технической документации... Зарплата стала расти. Я расслабился, жил в строительной будке и когда бригада работала, и когда не работала. Да и куда уйдёшь, вдруг водитель привезёт щебень из Североморска, а меня нет. Кто будет подписывать накладные? На обед в роту ходил редко. Еду ребята привозили из своей части. Поймал себя на мысли, что стал таким же, как наши «старики», которые объедали нас, «молодых». Но оправдывал тем, что из столовой ничего не брал, ребята меня просто угощали. И потом мне необходимо быть постоянно на объекте. Две бригады, работающие посменно на дороге, хорошо относились ко мне вовсе не от того, что я хороший человек, их зарплата зависела от оформления нарядов. Гражданские водители не обходили своим вниманием, регулярно дарили бутылку водки. У меня были подозрения, что они вместо восьми тонн щебня, привозили меньше. А как я на глаз определяю вес щебня? Весов у меня не было. Разливалась водка на всю бригаду, это тоже ребятами было отмечено, что я не прятал её.

У казармы встретил новый сержант, видел его впервые.

— Твоя фамилия?

— Да.

— Ты в моём взводе. Почему так оброс? Даже ушей не видно.

— Что я могу сделать? В мире мода такая.

— Мы в армии служим не по мировой моде, а по уставу.

— Сержант, что ты от меня хочешь?

— Хочу, чтоб ты подстригся.

— Меня никто не берётся стричь, говорят, голова нестандартная.

— Давай, я тебя сам подстригу.

— Бесплатно?

— Конечно.

— Странный ты человек, сержант.

Он, действительно, сам меня подстриг, затем попросил вынести бачок с пищевыми отходами для свиней.

— Ты же говорил, что будешь стричь бесплатно?

— Так я с тебя денег не беру, а даю наряд вне очереди за твою нестриженую голову.

— Сержант, мне от тебя ничего не надо. Оставь свой наряд вне очереди себе.

— Хватит шутить! На камбузе возьми бачок и отнеси свиньям.

— Я боюсь свиней. Они, ведь, как кабаны, с той лишь разницей, что по лесу не бегают, а в загородке сидят. Но такие же опасные животные.

— Ты откуда, такой дремучий, призывался?

— Из Питера. У нас по улицам свиньи не бегают. Откуда мне знать, что от этих скотов можно ожидать?

— Чего дурака включаешь?

— Нет, нет, не согласен. Медицинская комиссия в военкомате сделала заключение: в ракетные войска категорически не рекомендуется, а в стройбат, при определённых условиях содержания, можно.

— Хорошо, если боишься свиней, иди убери туалет.

— Ну, пойдём, сержант, попробую к твоей просьбе отнестись с должным пониманием.

— Это не просьба, а приказ!

Туалет, в нашей разговорной речи назывался дальняком, находился на краю залива. Во время прилива все фекальные отложения уносились с водой. Туалет не убирал, справил нужду и вышел. Сержант ждал неподалёку.

— Ну как, убрал?

— Убрал.

— Постой, я сейчас посмотрю.

Сержант вернулся.

— Да ты не убирал! Как валялись бумажки, так и валяются.

— Сержант, я опаздываю на обед, оставленную для меня пайку повара выбросят в бачок для свиней. Пойдём на камбуз, я буду есть, а ты расскажешь, как я должен выполнять устав и все требования.

Мы сидели с ним вдвоём за длинным столом, предназначенным для десяти человек, я ел остывший обед. Сержант прибыл к нам из другой роты, и начинать с того, чтобы ругаться со своими подчинёнными, ему явно не хотелось. Но эмоции распирали:

— Служишь чуть более полугода, а уже такой борзый, каким же ты станешь «стариком»?

— Успокойся, таким же и останусь.

— Так не бывает.

— Ты слышал про закон математического маятника? Давай с его помощью я всё тебе разясню. Что такое маятник, объяснять не буду, знаешь. Если рассматривать графики его движения по осям «х» и «у», выглядеть будет как затухающая синусоида с равными показателями «+» и «-». Если в мире уравновешены плюсы и минусы, тогда система сбалансирована. Представим для наглядности маятник: отклоним его максимально, если отпустим, то в другую сторону он отклонится тоже максимально. Неважно, как мы обозначим то или иное отклонение — плюсом или минусом. А теперь применим этот закон к службе в армии. Приходит призывник в роту, ищет земляка, угождает ему, унижается перед ним. Это будет одна позиция маятника. И вот он становится «стариком». Маятник

отклоняется максимально в другую сторону. Что происходит с нашим бойцом?

— Он начинает унижать других, «молодых».

— Правильно. Когда я пришёл в роту, ни перед кем не стелился, не унижался. Со мной не проходил обмен старых вещей на новые, конечно, у меня можно было украсть что-либо, но это уже другое. Я не стирал «старикам» портянки и завтраки не носил в постель, а это значит, что мой маятник отклонится от состояния равновесия совсем незначительно. Отсюда следует, что отклонение в другую сторону будет тоже незначительным. Значит, став «стариком», я не стану борзым. Эта теория помогла мне определиться в поисках себя, в той части, каким должно быть моё поведение со своим призывом и со «стариками».

— Интересная теория. Трудно так сразу что-то противопоставить. Мне нужно время, чтобы всё обдумать. Но что касается устава, ты зря смеёшься. В армии должен быть порядок.

— Кто спорит? Надо, чтоб командиры в своих подчинённых видели личностей, помогали этим личностям развивать свой потенциал. Например: глупо того, кто может только копать землю, заставляя писать стихи в стенгазету. И наоборот.

— Но армия — это не кружки по интересам.

— Что касается организационных моментов, командир, с тобой трудно не согласиться. Но не должно быть так, чтобы по окончании службы, боец мог сказать: «Два года, проведённые в армии, можно вычеркнуть из моей биографии». Человек и в армии должен развиваться. Сержант, люди делятся на две категории: интересные и неинтересные. После сегодняшнего разговора, мне показалось, что ты относишься к первой. Время покажет. Но в соответствии с уставом, я должен выполнять свой воинский долг, то есть находиться на строительном объекте, исполнять порученные мне задачи и, по возможности, развивать едва тлеющий во мне творческий потенциал. Если не возражаешь, я иногда буду тебя навещать, чтобы не забывал о существовании своего подчинённого.

Когда в следующий раз я появился в казарме, сержант встретил меня с улыбкой, свиньями и туалетами не пугал.

— Ты знаешь, я хотел бы помочь раздуть едва тлеющий в тебе творческий потенциал.

— Звучит интригующе, весь во внимании.

— Через неделю День военно-морского флота. Надо выпустить стенгазету, посвящённую этому событию. Она должна быть яркой, чтобы бросалась в глаза. Ну и статьи какие-нибудь напиши.

— Давай бумагу, кисти, краски. Попробую оправдать оказанное мне высокое доверие.

— Договорились.

Был солнечный день. Ночная смена легла спать. Я тоже лёг, но уснуть не мог, думал о стенгазете. Отказать сержанту не хотелось, иначе бы он дал задание подметать или мыть пол. Это ненамного лучше, чем уборка туалета. Пришёл к мысли, что выпуском стенгазеты интересно заняться. В строительном вагончике разложил на столе лист ватмана, стал делать разметку, распределил где будут заголовки, где статьи, где рисунки. Всё это делал с помощью линейки и карандаша. В перерыв бойцы из бригады пришли в вагончик погреться. Один из них удивился:

— Если так медленно будешь делать газету, то и к Новому году не успеешь закончить. Я полтора года в своей роте оформляю стенгазеты. Давай, быстро сделаю?

— Хочу, чтобы моя газета не была похожа на твою, иначе проверяющий это заметит.

— Не волнуйся, я все газеты делаю разными.

Он взял ручку с плакатными перьями, стал размашисто водить по бумаге. Я даже испугался, запасного листа не было. Игорь работал без

всякой разметки, но общая картина вырисовывалась чёткая. Потом он диктовал статьи, я только подставлял фамилии бойцов нашей роты.

Сержант внимательно рассмотрел стенгазету, прочитал все статьи, и на его лице появилась широкая улыбка:

— Ты должен быть мне благодарен: едва тлеющий в тебе талант разгорелся с такой силой, что мне, твоему командиру, приятно сознавать — и я приложил к этому руку.

— Не я это сделал! Помог один боец, он у себя в роте за полтора года на этом набил руку, поставил слог.

Сержант засмеялся:

— Даже если бы я ни одного дня в армии не служил, то и тогда не поверил, чтобы «старик» «молодому» стенгазету делал.

— Я к нему даже с просьбой не обращался, ему было приятно мне помочь. Тебе, сержанту, было бы приятно вместо меня туалет убраться?

И зачем я ляпнул последнюю фразу? Ох, уж это моё вечное желание связывать. Теперь уж, точно, не поверит в бескорыстную помощь «старика».

Сержант улыбнулся, видимо, вспомнив нашу первую встречу:

— С сегодняшнего дня ты будешь главным редактором. Поздравляю.

Привезли на автомобильной платформе дорожный каток. Чуть позднее приехал автокран для выгрузки. Водитель автокрана куда-то спешил. Зацепил тросы за каток, установил машину только на две опоры и полез в кабину крана. Я сказал:

— Поставь кран на четыре опоры, у тебя на это уйдёт всего на пять минут больше времени.

— Что ты меня учишь? Я на этом кране двадцать лет работаю.

— Я тебе подпишу накладную, если каток будет стоять ровно на дороге, а не на боку.

— Не бойся! Всё будет как надо.

Мои опасения оказались не напрасными. Двух опор действительно оказалось недостаточно, кран начал наклоняться. Я закричал водителю: «Опускай!» Но он ещё пытался выровнять стрелу. Автокран накренился в сторону кабины и стал медленно падать. Я заорал: «Прыгай!» Машина упала на бок. Как выскочил водитель, я не заметил. Кабина крана была смята в лепёшку. Рядом стоял водитель и нервно хохотал.

— Ты чего ржёшь? Во что превратил кабину?

Через какое-то время он перестал смеяться и уже спокойно сказал:

— Чёрт с ней, с кабиной, главное, жив остался. Как успел выскочить — не помню.

Лишний раз подтвердилась пословица «Торопись, не спеша».

Было воскресенье. Сидел в кабине асфальтоукладчика, читал книгу. Боковым зрением увидел, что дверь кабины тихо открывается. Сначала испугался, потом правой ногой резко ударил по двери.

— Ты чего!? С ума сошёл!? — это был Толя Гопко. Он держался за лоб. — Пришёл навестить и сразу в лоб получил.

— Зачем подкрадывался? Я думал — норвежский шпион, граница совсем близко.

— Хотел проверить, насколько бдительно ты охраняешь технику.

— Ну и как? Проверил?

— Проверил. Даже гербовую печать на лоб получил. Чем занимался?

— Книгу читал.

— Скучно живёшь. Давай, на скорость. Вот по тому отвесу. Кто быстрее поднимется до вершины. Старт от воды. Проигравший ставит победителю бутылку водки.

— Ты так уверен в победе?

— Конечно, выходя на состязание надо отбросить все сомнения.

— Посмотри, какой крутой склон. Можно голову свернуть.

— Давай-давай, хватит сидеть. Никто твою технику не упрёт, — Толя в нетерпении потянул меня за руку.

И вот мы на старте. Я посмотрел на склон, по которому предстояло вскарабкаться, мысленно проложив маршрут. Толя скомандовал: «Три-четыре!» Мы побежали. Побежали — пожалуй, громко сказано: на четвереньках, быстро перебирая руками, хватаясь за камни и отталкиваясь ногами, двинулись к вершине. Первую половину пути Толя не отставал. Потом я слышал его громкое дыхание позади себя. На вершину вскарабкался первым. Мой соперник долго не мог отдышаться. «Твоя взяла», — выдохнул он.

Спустившись вниз, предложил устроить гонки на дорожных катках.

— Какой приз? — Толя посмотрел на меня заинтересованно.

— Такой же, бутылка.

— Ты руку набил на этой технике, я даже не знаю как управлять, рулевого колеса нет.

— Тут всё просто: эта палка — руль, эта — тормоз, вот газ. Сейчас я проеду, и тебе всё станет ясно.

Опять старт. Наши машины медленно покатали по асфальту. Пока дорога прямая, никаких трудностей в управлении не возникало. Затем дорога повернула направо, потом налево, тут я решил сократить путь, проехать по краю асфальта, но не смог удержать руль, выкатился на песчаную обочину. Я растерялся, сделал реверс, но второпях нажал на тормоз. Двигатель задымился, я выключил газ. Подошёл Толя, посмотрел на дымящуюся машину, из канавы набрал воды в ведро, плеснул на двигатель. Раздался треск. Я слез со катка посмотреть что случилось. Оказалось, от нагрева, а затем резкого охлаждения медная тормозная шина лопнула. Мы стояли и молча глядели на поломку. После паузы Толя сказал: «Жаль, что не поспорили. Я бы отбил «пузырь».

Утром привезли бригаду. Я не стал врать, рассказал водителю дорожного катка всё, как было. К моему удивлению, он не расстроился: «Пока привезут шину, пару дней смогу оттянуться. Я видел гонки на автомобилях, на лошадях, на оленях, на собаках, а чтоб гонялись на дорожных катках — даже не слышал. Надо и мне попробовать».

Чему суждено случиться, то и случится. Возможно, звезды и планеты встали над нашим строительным вагончиком не так. Но всё в тот вечер пошло наперекосяк. Дрова, собранные на берегу залива, были сырыми, в печке, изготовленной из двухсотлитровой бочки, еле горели. Ребята были чем-то раздражены. Картошка с мясом вариалась в кастрюле медленно. Один боец не выдержал, послал водителя грузовика за семнадцать километров в свою часть за хорошими дровами. Когда он вернулся, картошка не была ещё готова. Водитель поставил машину так близко к двери вагончика, что её нельзя было полностью открыть, поднял кузов и высыпал дрова на землю, из-за чего грузовик не мог сдать назад.

— Ты зачем машину поставил так близко к двери? Боком приходится проходить, — обратился я к водителю.

— Сейчас подключу лампочку к аккумулятору, будет светло, а то сидим с керосиновой лампой. Двадцатый век. Стыдно даже.

— Раньше сидели — нормально было, а тут вдруг застыдился... Зачем хочешь ведро затолкать в печку? — обратился я к другому бойцу.

— Ну не выбрасывать же мне из печки горящие головешки голыми руками. Сейчас в ведро добавим немного солярки, старые сырые дрова быстро сгорят, потом добавим сухие.

— Ты знаешь температуру горения солярки? Ведро при такой температуре расплавится, и мы здесь зажаримся вместо мяса.

— Я солярки чуть-чуть добавил. Вздумал «деда» учить, как печку топить.

Лампочка ярко осветила помещение, в печке, стоящей у выхода, загудел огонь. Оба бойца с довольными улыбками повернулись ко мне. Их

взгляды как бы говорили: «Учись, салага, у дедов». И тут печка вспыхнула. Горящая солярка из расплавленного ведра потекла по наклонному полу в нашу сторону. В одну секунду мы все были охвачены пламенем. Печка гудела, видимо, «дедок» налил соляры в ведро далеко не чуть-чуть. Выбегать из вагончика надо было мимо горячей печки, через узкий дверной проём, так как дверь снаружи была подпёрта машиной. Выскакивали один за другим. Первым на улице оказался водитель, вторым, закрыв лицо ладонями, выбежал я. Третьим был знаток разжигания печей, он находился от выхода дальше всех. Надо было спасти машину. Не сговариваясь между собой, водитель запрыгнул в кабину, мы вдвоём стали отбрасывать в сторону дрова, чтобы можно было отогнать автомобиль от горящего вагончика. Ребята, работающие на бурильных установках, прибежали тушить пожар. Воду носили вёдрами из залива. Подъехал грузовик. Из пассажирской двери выглянул капитан-лейтенант, начальник строительства новой штольни.

— Ну, — обратился он ко мне, — суши сухари. Тюрьма тебе.

Закрыв дверцу и уехал. Ребята, услышав эти слова, забегали с водой ещё быстрее. Начался отлив. Расстояние до воды увеличивалось. Строительный вагончик потушили. Ребята выглядели измученными, ни о каком продолжении работы речь не шла. Тут увидел нашего поджигателя. На его лицо и руки страшно смотреть, как он ещё воду носил. «Давай, — обратился я к любителю электрического освещения, — срочно вези его в госпиталь». Из нас троих водитель пострадал меньше всех. Посадили бедолагу на сиденье, потому что сам он уже был не в состоянии забраться в машину. Я тогда подумал: «Был бы с нами четвертый, он, скорее всего, не успел бы выскочить на улицу». Вспомнил недобрым словом капитан-лейтенанта: уехал, не помог тушить, а ведь помощи его и водителя была бы не лишней. Это не его строительный объект, но мог бы спросить: не пострадал ли кто от пожара, не нужна ли медицинская помощь?

Дождавшись утренней бригады, ушёл в свою роту, обратился к фельдшеру за помощью. В его кабинете посмотрел в зеркало и не узнал себя: лицо коричневое, распухшее, из-под кожи сочилась жидкость, руки распухшие. Хорошо, глаза не обожгло — выскакивая из горящего вагончика, успел прикрыть их ладонями. А пострадавшего больше не видел, его положили в госпиталь, потом комиссовали. Ребята навещали его, я передавал через них приветы. Как ни злорадствовал капитан-лейтенант, в тюрьму меня не посадили, но стоимость ремонта вагончика вычли из зарплаты.

Произошло событие, поначалу не предвещавшее ничего особенного. Командир роты зачитал выдержку из письма одного сержанта нашей части, фамилию при этом не назвал. Цензура Северного флота вернула послание в часть. В нём говорилось: «...У меня во взводе сорок пять педерастов, как хочу, так их и имею». Тогда мне подумалось, что написал какой-то придурок, захотел выпендриться. Я не придавал значения этому сообщению, даже не обменялся ни с кем мнением. Прошло две или три недели, как вдруг командира соседнего взвода отправили на гауптвахту. Ничего не нарушал, в пьянстве замечен не был ...и тут народ вспомнил про письмо. Ждали сержанта с нетерпением. Пришла новость — вернулся. Каждый определил для себя, что надо «держать ответку». Сорок пять человек его взвода считали необходимым пнуть своего командира — кто кулаком, кто сапогом. Потом подключились некоторые бойцы из других взводов. Сержанта отвезли в госпиталь, больше его никто не видел.

Мы с Игорем сидели на койках и обсуждали, долго ли он ещё проживёт — сотрясение мозга, поломаны рёбра, отбиты все внутренности. Ни один из избивавших не был наказан. Тех, кто отстаивает свою честь и достоинство, нельзя карать. В этом событии я увидел вину командира роты, прилюдно зачитавшего письмо, не учёл он специфики постзековской психологии своих подчинённых. Игорь задумчиво сказал:

— Пожалуй, перебор получился, ведь никого из бойцов напрямую не оскорблял, написал в письме, дурилка, глупость, чтобы перед друзьями похвалиться.

— Соглашусь, жестковато. Правда, бывает и хуже. Ты вспомни фильм «Оптимистическая трагедия». Там бабка пожаловалась боцману, что один из матросов украл у неё кошелек, даже показала кто это сделал. Матросу надели мешок на голову, и — за борт. Команда собрала вскладчину деньги, а бабуля достала кошелек и положила их туда: «Ой! Ошиблась я, ребятки». На неё надели мешок — и тоже за борт.

— Там анархисты были, а мы нормальные люди.

— Да, нормальные. Пожалуй, с сержантом перебор получился.

Дорогу строили днём и ночью. Ждали большое начальство, которое по ней должно проехать до штольни. Пришёл однажды утром на работу и увидел — дороги нет. У меня на глазах большими кусками земля отваливалась в залив, исчезала под водой, асфальтированная часть дороги уже уплыла. В этот момент подъехала машина с Главкомандующим ВМФ СССР Сергеем Георгиевичем Горшковым. Развернулась перед развалившейся дорогой и уехала назад. Вечером рассказывали, что к штольне он добрался на катере. Чуть позднее приехал на грузовой машине разгневанный начальник старший лейтенант Харченко.

— За твою диверсию тебе долго придётся сидеть в тюрьме! — на него было жалко смотреть, его трясло от злости.

— Какая диверсия? Как ты разметку сделал, так дорогу и строили. На плавун нарвались. Кто занимался геологической разведкой грунта, с того и спрашивай.

Уехал. На душе тревожно. Опять тюрьмой пугают. Видимо, похож на стрелочника, что все проблемы пытаются свалить на меня.

Подъехала чёрная «Волга». Из неё вышел невысокого роста офицер в звании контр-адмирала. Я представился. Оказалось, это был командующий подводной флотилией Северного флота. Возможно, на моём лице читалась тревога. Он улыбнулся, протянул мне руку. Поздоровались. «Не волнуйся, признали стихийным бедствием», — успокоил он меня. Значит, вопрос о моей диверсии или халатности рассматривался у руководства. Начальникам было над чем задуматься: за час или полтора до приезда адмирала дорога стала уплывать в залив. Случайное совпадение?

Жизнь в армии замешана на страхе наказания. Да не только в армии. Уже в детском саду, если сделал что-то не так — в угол. В школе ставят двойки, зная, что за них дома не похвалят. Придёт человек на завод — там пугают лишить премии, отпуска в летнее время. Может акцент сделать на системе поощрений?

Простым рядовым бойцам начальники не докладывали о своих планах, но было понятно, что строительству штольни придавалось большое значение. Об этом говорило и посещение объекта командующим Северным флотом, и Главкомандующим ВМФ СССР. Изменилась организация работ: вместо трёх смен стало четыре, в каждой смене — дежурный офицер. Когда мы прибыли на объект, там было всего два офицера — начальник стройки и его заместитель. Быстрыми темпами велось строительство двухэтажной казармы для размещения двух рот.

Близилось окончание строительства дороги. Было сожаление, что это прекрасное время заканчивалось. Мысль о новой работе посещала всё чаще. Ждать куда отправят или подыскивать самому? Мне нужна интересная работа, за которую платят приличные деньги. Не хотелось идти «на лопату». У нас говорили: «бери лопату больше, кидай дальше, пока летит — отдыхай». И вот я на новом месте. Сбылась мечта — устроился работать с геологами. Труд бестолковый: стояли впятером на морозном ветру, долбили ломиком землю, лопатой выгребали из ямы мёрзлый грунт. Называлась эта яма шурфом. Пришёл начальник, посмотрел на нашу работу, сказала: «Копайте дальше». Для чего это нужно не объяснил.

Хотя в казарме нас называли геологами, юношеские мечты улетучивались с каждым днём. Пошёл к начальнику штольни проситься на работу. Он был краток: «С завтрашнего дня выходишь в бригаду Торопова».

Сидели на растворо-бетонном участке, ребята рассказывали оключениях до тюрьмы, во время неё и после. Вдруг вбегает Василий и кричит:

— Спасите Лёху! Лёха умирает!

— Где он?

— Лежит на дороге в штольню.

Вчетвером побежали спасать Лёшку, впопыхах не разобрав какого именно. Увидели лежащего посреди заснеженной дороги бездыханного бойца без бушлата. Я скомандовал: «Делаем искусственное дыхание!» Помогло, Лёшка захрипел. Так и бежали с ним до медчасти, держа за руки и за ноги, несколько раз делая искусственное дыхание. Лёху спасли. Как сказал фельдшер, наши действия оказались правильными. История же пьянки была такова: Алексей был секретарём комсомольской организации в роте, не пил, не дебоширил, и с него решили снять судимость. После такого приятного события Лёшка проставился своим друзьям, на троих выпили бутылку вина. Показалось мало, купили в нашем магазинчике одеколон «Русский лес» тёмно-зелёного цвета. От того, что Лёха не употреблял спиртное, его организм не выдержал. На следующий день весь одеколон «Русский лес» изъяли из продажи, заменили на почти прозрачный одеколон «Ориган». Вероятно, наше начальство решило, что всё дело в цвете.

Обида осталась на Лёшку — мы ему жизнь спасли, а он даже не проставился в знак благодарности.

Приближались два важных события в жизни нашего призыва: уходили на дембель «старики», приходили «молодые», наш статус повышался, и второе — встреча Нового года. Первый Новый год мы не заметили, никто нас не поздравлял, праздничных ужинов не было, дали команду «отбой» в обычное время. Если следовать законам математического маятника, эта встреча Нового года будет крутой. «Стариков», уходящих на дембель, били и днём и ночью. Жалко их не было. Лично не принимал участия в этих экзекуциях, но сочувствовать дембелям не было желания. Зло должно быть наказано, иначе его не остановить. Время показало правоту этих действий — дедовщины от нашего призыва уже не было.

Мы с Игорем предположили, что перед Новым годом будет большой шмон, спиртное держать в казарме бессмысленно — найдут, поэтому решили, что скромно вдвоём отметим праздник, по литру водки на человека вполне хватит. Наш товарищ предложил использовать его вагончик электрика. Я, как менее заметный человек в роте, в отличие от Игоря, поехал в городок за водкой. Купил десять бутылок по 0,25 литра. Все спрятал под фуфайку, подпоясаясь ремнём. Поднявшись по ступенькам вагончика, открыл дверь и увидел, как два начальника штольни пьют водку. Резко отпрянул назад — делиться спиртным в мои планы не входило. Одна бутылка выскользила из фуфайки, стал её ловить, спускаясь спиной по лесенке. Несколько раз бутылка выскальзывала из рук, но мне удалось её поймать и затолкать под фуфайку. Капитан-лейтенант крикнул: «Стой!» «Нет, нет, я тороплюсь, сейчас на дежурной машине еду в поликлинику к зубному врачу», — глупее отговорки (перед Новым годом) придумать было сложно. Шёл и думал: как так получилось, что эти два начальника забрались именно в наш вагончик? И понял. Все другие вагончики были закрыты на замок, а этот оставлен для нас открытым. Вот они и зашли в единственную открытую дверь. План провалился. Водку в казарму нести нельзя — найдут. Далеко нести тоже нельзя — построение на поверку в праздничные дни через каждый час. Между казармой и растворо-бетонным участком росли ёлки. Направился туда. Опустил

бутылку вертикально вниз в сугроб, засыпал снегом сверху, над этим местом надломил веточку. Так поступил со всеми бутылками. Можно выскочить из казармы в одной гимнастёрке, выпить — и в казарму.

После очередной проверки вышли с Игорем на улицу к нашим деревцам, выпили из горла по бутылочке, не закусывая. Постояли немного, наслаждаясь красотой северной природы, и тут Игоря осенило: «Через час начнёт темнеть, без фонарика не найдём здесь ничего. А фонарика нет. Я знаю куда перепрятать. Давай всю водку вытаскивать».

Вытащили. Но одной не хватает — хоть умри. Игорь стал считать все надоманные веточки — только девять штук. Тут ко мне пришла мысль, что сейчас он думает, будто я один пузырь «зажал» за то, что ездил в город. Он уже ногами перерыл весь снег на участке, где стояли бутылки — пусто. Я отошёл в сторону по нужде. Вдруг в образовавшейся от струи дырке в снегу что-то блеснуло. Я копнул ногой и увидел заветную бутылочку, над ней ветка не была сломана. Возможно, я просто поторопился.

Ситуации в жизни повторяются. После прохождения службы, учась в школе инструкторов туризма, я участвовал в восьмидневном лыжном походе по Вепской возвышенности. Вечером, чтобы справить нужду, отошёл на лыжах в сторону от лагеря, сделал с помощью лыжной палки круглую дырку в снегу, чтобы не оставлять желтых пятен, и направил струю. Фонариком освещал место попадания. И вдруг что-то блеснуло в глубине цилиндрической ямки. Разрыл снег... и вижу чей-то паспорт. В те времена их выдавали в тонкой блестящей плёночке. Открываю документ — а это мой паспорт! Как он туда попал?

Но возвращаюсь к главному повествованию о встрече Нового года.

— Игорь, ты сказал, что знаешь место, куда можно перепрятать бутылки, никто из шмонающих их там не найдёт.

— Задача сложная, но выполнимая.

— Давай, не тяни, я уже замерзаю. Почему задача сложная?

— Потому, что оставшуюся водку надо выпить сразу из горла и без закуски.

— Может, из лампочки выпьем? — с надеждой спросил я.

— Где мы сейчас лампочки возьмём? В казарме одни ртутные лампы, если только на столб фонарный залезть. Но электромонтёрских когтей нет, остаётся одно — пить из горла.

Выпили по второй. Как всё же противна водка прямо из бутылки.

— Игорь, мне эти пробки от бутылок напоминают матросские бескозырки.

— А сама бутылка напоминает матроса?

— Если б на этикетке было изображение тельняшки, тогда — да.

— Тебе после дембеля надо идти художником на винно-водочный завод, будешь рисовать этикетки.

— Я так и не определился кем буду работать. Рисую неплохо, может действительно рисовать водочные этикетки?

— Не останавливайся, надо успеть до построения всю водку выпить.

— Каждая последующая бутылка кажется более горькой.

— Это потому, что пьём без закуски.

— Ты мне не рассказывал, как попал в тюрьму.

— С другом выпили, пошли в гости к его приятелю. Того дома не оказалось. Спускались по лестнице вниз, друг попросил у какого-то мужика покурить, тот ответил, что не курит. Когда уже спустились, он заявил, что видел у него сигаретную пачку в кармане, предложил вернуться и набить морду. Не дошли один пролёт, набили морду не тому, как потом выяснилось. В зале суда над нами посмеялись. Мужик, который отказал в сигарете, был ростом метр семьдесят, а тот, кому набили морду, оказался двухметровым баскетболистом. Так перепутать! Пьяные были.

— Все беды от пьянства. Выйду на дембель — пить не буду. Я бы и здесь не пил, но чем заняться? Библиотеки нет, одна подшивка газет

«На страже Заполярья», фильмы крутят по десять раз одни и те же, и то древние. Спортом запрещают заниматься, приходится тренироваться по ночам на раствороно-бетонном участке.

— Я тоже, когда выйду на дембель, пить не буду. Заведу семью. Хочется, чтобы в семье было много детей. Давай, по последней бутылке допьём и пойдём на построение.

Успели вернуться в казарму до поверки. Сели на койки друг против друга, я на полном серьёзе рассказал Игорю о последней технической новинке:

— Сейчас вышла новая модель электробритвы «Москва-3». Бреет с чистотой безопасной бритвы, это достигается за счёт формы ячейки.

— Три секунды — и серый волк лысый!

— Не смейся, Игорь, это действительно так. Напечатано в журнале «Наука и жизнь», а я этому журналу верю!

— Я тоже верю, что за три секунды серый волк будет лысым, и... нам не страшен серый волк!

Подошёл Толя:

— По центряку ходит начальство, а вы орёте на всю казарму. Столько шмонов прошло, никуда не выходили, а в стельку пьяные.

— Вот видишь, Володя, Толя, в отличие от тебя уже определился со своей будущей профессией. Раз говорит «в стельку пьяные», значит, будет сапожником.

Объявили построение. Я сознавал, что ни идти прямо, ни стоять прямо не смогу. Но товарищи плотно сомкнули ряд, удерживая меня своими плечами, и когда сержант, делающий поверку, произнёс мою фамилию, попытался выкрикнуть трезвое «Я». Получилось.

Сообщили, что отбоя в 23 часа не будет. Нам предложили праздничный ужин. За несколько минут до полуночи были на камбузе. На тарелках лежали яблоки — по одной штуке на каждого, в кружках — немного сока. Включили радиолу, специально привезённую для этого вечера из городка, чтобы мы слышали Кремлёвские куранты, извещающие о наступлении Нового 1973 года. Рядом с радиолой выстроились: командир части, командир роты, его заместитель, старшина, командиры взводов. Прозвучали куранты! Тут кто-то выключил свет, сок вылили на пол, над столами появились бутылки с водкой, и раздался клич: «Кто хочет — подноси бокалы!» Бойцы протянули свои железные кружки. Включили свет и на глазах у руководства продолжали наливать и пить, за соседним столом достали бутылку шампанского, с хлопаньем открыли пробку, пенистый напиток устремился в подставленные ёмкости. Откуда всё взялось? Ведь казарма была перерыта несколько раз, искали по всем углам хозяйственных помещений.

Тем временем веселье продолжалось. Наливали не только тем, кто деньги сдавал — всем желающим! Народ в роте собран разный: русские, казахи, мордва, чуваша, татары, украинцы, дагестанцы, белорусы, узбеки, молдаване. На этом празднике все были одной семьёй, объединённые общими эмоциями и весельем! «Старики», и «молодые» в праздничном порыве выкрикивали тосты, раздавались радостные возгласы... Веселящаяся, ликующая рота! И всё пристойно, никакого сквернословия. Я, как тогда в мурманском поезде, с радостью осознавал, что являюсь частью всего происходящего. Ликование происходило в присутствии молчащего руководства.

Прозвучали команды: «Выходи на улицу», «Строиться», «В роту», «Переключка», «Отбой». Последнюю команду выполнять не стали, никто не расходился на ночлег. При командире части старшина не решился командовать: «Уркаганы, спать!» Опять построение. Командир части всей роте под козырёк объявил отбой. Бойцы разошлись, но веселье продолжилось. Играла гитара, гармошка, звучали песни, громкие возгласы. При очередном построении командир части сказал, что за невыполнение его приказа рота должна быть расформирована в течение двадцати

четырёх часов. В ответ раздался громкий смех. Смеялись все. Нашёл чем напугать! В который раз строились, командир каждому бойцу индивидуально отдал приказ. Тут один солдат залез на второй ярус коек, стал на гармошке наигрывать татарскую мелодию. Опять веселье, праздник продолжился. Командир части, махнув рукой, ушёл в кабинет. Народ гулял до утра.

Мог ли командир части догадаться, что мину замедленного действия заложил сам, когда назначил Кошу командиром роты. Маятник качнулся в другую сторону.

Утро было обычным, ничто не напоминало о том, что ночью шумела гильба. Никто не вспоминал слова командира части о расформировании роты. Каждый понимал, что этого не произойдёт. Нас даже на гауптвахту не посылали потому, что работа, которую мы выполняли, была крайне необходима стране, чуть ли не каждый день напоминали, что от нашего труда зависит, будет ли война. Да и командир части, если он не идиот, не сможет сознаться, что довёл роту до такого состояния. Ещё во время правления Коши я спросил одного бойца:

— Скажи честно, где было лучше: в тюрьме или сейчас, в армии?

— Конечно в тюрьме. Там кормили и в баню водили.

Много ли нам, простым людям, надо: нормальная еда, баня, иногда праздники.

Для ускорения строительства штольни прислали ещё роту — сто человек. Начальник стройки Марк Дмитриевич — отличный руководитель, чётко разбирающийся в своём деле; наверняка не мог пригласить неквалифицированных людей в таком количестве. Эту толпу разделили на две группы, дали постоянное задание: рыть скальный грунт под опалубку. Для такого дела хватало бы десяти человек. Люди толкались, мешали друг другу. Вот ребята и стали искать приключений на свою голову. Ладно, если бы они устраивали разборки между собой, но всё чаще доходили разговоры, что стали притеснять бойцов нашей роты. Приезжие почувствовали нашу разобщённость, стали наглеть.

После обеденного перерыва подошёл мой помощник Глеб:

— Новенькие отобрали лопату.

— Как отобрали? Кто это сделал?

— Их пятеро, нас двое. Длинный подошёл, вырвал лопату. Они работают сейчас в дальнем отсеке.

Я посчитал, что нельзя уступать в малом, пошёл забирать лопату. Не говоря ни слова, выхватил инструмент из рук длинного. Странная реакция была у этих пятерых — они в недоумении переглянулись. Я вернул лопату Глебу, вдвоём с Аманом стали рассматривать бетонную стену, опалубку от которой в этот день сняли. Повернувшись, увидел, что эти пятеро шли к нам. Один из них держал в руке короткую арматуру, постукивая ею по ладони другой руки. Аман сказал:

— Сейчас бить будут.

— Беги, Аман.

— А ты как же?

— Я их тормозну.

Схватил прислонённый к стене лом, приготовился к защите. Крайний слева попытался в прыжке достать меня кулаком. Ударил его ломом по голове. В штольне все работали в строительных касках, лом прошёл по касательной, попал в ключицу. Парень упал на колени, схватился рукой за плечо. Я отступил на пару шагов и приготовился к новой атаке. Но противники обступили парня, я воспользовался их замешательством и подбежал к Аману: «Уходим».

На другой день опять скандал, и всё из-за лопаты. Прислали к нам на подмогу сто человек, а лопатами их не обеспечили. Видимо начальник, который посылал людей, над лопатами не начальник.

Как-то раз в самоволке ко мне придрался офицер, представившийся начальником патрульной службы:

— Почему честь не отдаёте?

Отдавать честь каждому офицеру в военном городке — рука отвалится.

— Меня выписали из госпиталя, вышел — голова кружится. Тут такие высокие дома, у нас в деревне таких нету, я и заблудился. Моя часть находится возле пушки. В какой стороне этот памятник? — я пытался оправдаться.

Городок маленький, за пять минут можно пройти от одного края до другого. Поэтому я предполагал, что офицер махнёт рукой, показав направление, и на этом разойдёмся. Но он пошёл меня провожать до само-го КПП. За несколько метров до пропускного пункта я попытался поблагодарить своего помощника, объяснив, что мы уже дошли, ведь это была не моя часть. Но он повёл меня в помещение КПП. Там нас встретил дежурный боец.

— Витя, привет. Меня из госпиталя выписали. Спасибо старшему лейтенанту, помог добраться до родной части.

Так называемый «Витя» подыграл мне:

— Мы тебя так быстро и не ждали, говорили, что надолго упекли в госпиталь.

— Надоело валяться, захотелось быстрее вернуться на работу, ну и — к вам, ребята.

Офицер попросил дежурного бойца, чтобы меня сопроводили до койки и обязательно показали фельдшеру.

Как-то нехорошо получилось, старший лейтенант мне поверил, а я развёл комедию перед ним. С другой стороны, что оставалось делать? Сознаться, что я в самоволке, тем самым подставить себя, своего командира роты и сержанта? Из двух бутылок болгарского вина, полученных за помощь в разгрузке товара в магазине, одну я передал «Вите», за то, что выручил. По факту он оказался Сергеем. Поблагодарив, я пошёл на дорогу ловить попутную машину, чтобы доехать до своей роты. Остановился фургон Газ-66. В кабине места были заняты, предложили сесть в кузов. В Заполярье не принято проезжать мимо. Если есть возможность — всегда подвезут. Люди здесь такие особенные. Вдруг машину стало крутить волчком. Чтобы не вылететь из кузова, высота бортов всего сантиметров тридцать, пытался ухватиться за продольные скамейки. Меня кидало по полу, удержаться не мог. Через некоторое время машину перестало крутить. Весь побитый, выполз на дорогу. Самым удивительным было то, что после всех мытарств, бутылка вина осталась целой. Меньше, чем в метре от нас, стоял грузовик без людей. Ребята вышли из машины, молча смотрели на автомобиль. Водитель произнёс:

— Ещё чуть-чуть — и в лобовую. Нас бы вынесло с дороги.

— Снега практически нет. Шансов у нас не было бы. Слишком большой обрыв, — добавил я.

Подошли двое парней из оставленного грузовика. Они рассказали, что увидев нашу вращающуюся машину, летящую прямо на них вниз со спуска, выскочили из кабины и побежали по дороге.

На следующий день мы узнали о трагедии. В полдень из-за гололёда на этом же месте машину, где ехал полковник, главный проектировщик всех штолен, вынесло с дороги в пропасть. Все погибли. Я его не знал, но это событие меня сильно потрясло.

Через несколько дней произошла новая трагедия — погиб Валерка, питерский парень из нашего призыва. Мы не были друзьями, но неплохо общались. Я относил его к золотой молодёжи. До армии он любил прожигать жизнь в барах и ресторанах, вокруг крутились девчонки. В то время для меня именно это было критерием успешности. Ведь сам ещё ни с одной не дружил. Валерка не был высокомерным, постоян-

но шутил. Но я чувствовал дистанцию между нами. В тот день Валера с приятелем решили съездить в самоволку. Они и мне предложили составить компанию. В городке пообещали по дешёвке достать спирт. Я откачался, сославшись на дела. Возвращаясь в роту, подвыпивший Валера «голосовал» на дороге, чтобы остановить машину. Водитель не успел отреагировать на неожиданно выскочившего человека. Через три дня после столкновения Валера умер в госпитале. Перед ротой выступили мать и его подруга, обратились к нам с просьбой, чтобы мы не пили, пусть смерть Валеры станет для всех уроком. Командир роты был более категоричен: «Если после этого случая кто-то напьётся, я буду считать его полным идиотом».

В этот вечер вся рота была пьяной. Мы не могли не помянуть Валерку. Такая короткая жизнь...

Две смерти на одной неделе. Первая случилась из-за разгильдяйства дорожной службы, вторая — из-за собственного разгильдяйства. Полковник в своей жизни уже успел многое сделать, Валера не успел почти ничего.

Начальство решило проверить наше здоровье. Всё-таки работа в штольне пыльная, просветить лёгкие не помешает. Приехал передвижной флюорографический кабинет, единственный на весь Северный флот. Производитель этого чуда техники — Германия. Вечером, после обследования, построил командир роты. Произошло ЧП — с подфарников сняли все красивые красные стёкла. Я сначала не сообразил: что за трагедия? У нас здесь у всех машин вместо стёкол привязаны красные тряпочки, всё нормально, никого это не волновало. Но эта машина, оказывается, особенная, ей на трассу с тряпочками выезжать нельзя. В такой ситуации нетрудно догадаться, кто свинтил стёкла. В роте был единственный мастер по изготовлению браслетов и пистолетов-зажигалок. Об этом знали все, знал, наверняка, и командир роты. Стекляшки в любую минуту могли пойти на браслеты. Поведение командира роты было необычным. Он тихим голосом обратился к строю: «Ребята, машина должна выехать завтра утром, стёкла на подфарниках должны стоять. Если их не будет — меня уволят. Я открою окно своего кабинета, а сам уйду на камбуз. Подбросьте стёкла через окно, я никого наказывать не буду».

Через некоторое время он опять построил роту и также тихо сказал: «Спасибо, ребята, я верил в вас». В этом случае он принял единственно верное решение.

Еще до призыва в армию у меня возникал вопрос: сможет ли моё поколение Родину защитить в случае войны? И были на этот счёт большие сомнения. Нам нравилась западная культура, мы были в восторге от «The Beatles». Но в военкомате перед нами выступил участник военных событий на острове Даманском, он полностью перевернул моё представление о современной молодёжи. Ребята там проявили себя храбрыми и мужественными войнами. Служа в армии, где мы являлись далеко не самой лучшей частью общества, у меня опять возник этот вопрос, но уже конкретно к нашей роте. И вот однажды, во время политинформации, один из бойцов задал командиру роты вопрос:

— В случае войны мы траншеи будем рыть?

— Нет, у каждой военной части есть предписание. Наша рота должна быть переформирована в течение двадцати четырех часов в морской десант.

Мне была интересна реакция наших ребят. И я увидел в их глазах гордость, что они будут наравне с другими родами войск полноценной боевой единицей. Ни у кого не возникло вопроса: «Мы даже автомата в руках не держали. Что вы из нас хотите сделать? Пушечное мясо?» Нет. Все были горды тем, что мы также сможем защищать Родину, быть частью самого сильного в СССР Краснознамённого Северного флота!

Игорь до армии, а если быть точнее ещё до посадки в тюрьму, работал в торговом флоте. Ему посчастливилось побывать в разных странах, даже на Кубе. Я часто просил рассказать о «хождениях за три моря». В его воспоминаниях всё было интересно. В эти моменты ему очень завидовал. И твердо решил: после дембеля иду в торговый флот. Но потом произошла некоторая переоценка. Среди нашего нового призыва оказался парень, который работал на Калининградской базе китобойного, тунцеловного и экспедиционного флота. Там зарплата была значительно выше, чем в торговом флоте. Филиал этой базы располагался на Кубе, район плавания — Южная Атлантика. Большие деньги и романтика, о чём ещё можно мечтать! Послал письмо в эту компанию, выразил желание поступить к ним на работу. Прислали ответ, что в случае прохождения комиссии, готовы принять. Я был в восторге! При ходьбе появилась фаза полёта. Правда, вернулись старые опасения: как жить семь месяцев в году без семьи, как такое длительное воздержание скажется на моём мужском здоровье?

Ночью проснулся. В соседнем проходе на койках сидели четыре бойца, и мой приятель Коля под гитару тихо пел:

*Это было давно лет пятнадцать назад.
Вёз я девушку трактом почтовым.
Круглолица, бела, словно тополь стройна.
И на ней был платочек шелковый.*

Присмотрелся: собрались Колины земляки из Мордовии. На тумбочке стояла кружка, значит пили, по запаху — одеколон.

*Вдруг казачий разъезд перерезал нам путь.
Тройка быстро, как вкопана, встала.
Кто-то выстрелил вдруг прямо в девичью грудь
И она, как цветочек, завяла.*

Судя по слезливой песенке, Коля не мог забыть свою подругу, вышедшую замуж почти сразу после его отъезда в армию. Хорошо, что я на гражданке не успел завести подружку, а то бы тоже исстрадался. После дембеля наверстаю упущенное: буду по кабакам ходить. Заметил за собой — стал циничнее, чем на гражданке. Ещё немного полежав в размышлениях, отвернулся от ребят, попытался уснуть.

По вечерам в Ленинской комнате любили бойцы писать письма незнакомкам. Иногда я их подкалывал: «Когда женишься, приглашай на свадьбу. Но, имей в виду, что право первой ночи будет принадлежать мне». Или говорил нечто подобное. Как-то раз подошёл Колька, предложил адрес своей сестры. Я отмахнулся:

- Такими делами не занимаюсь.
- Напиши хоть одно письмо. Хорошая девчонка. Хочется мне сделать ей приятное.
- В серьёзность таких отношений не верю, а писать от безделья нет никакого желания.
- Не говори «Гоп»... Одно письмо, всего одно. Уверен, у вас всё будет «в ёлочку».

И вот пишу: «Сегодня на вахте. Стою на капитанском мостике, огромные волны Северного Ледовитого океана обрушиваются на корабль. На небе — яркие звёзды, большое колышущееся полотнище полярного сияния...»

Не ожидал, но пришёл ответ: «Ты большой юморист, мне было бы интересно переписываться с тобой».

Подошёл Колян: «Ты чего там написал, что служишь на крейсерах и ходишь под Кубу? А я рассказывал ей, что мы вместе работаем в одной бригаде, бросаем лопатами бетон в опалубку. Меня сеструха спрашивает».

ет: «У вас после вахты на капитанском мостике надо ещё бросать лопатами бетон в опалубку?»»

Бойцы нашего призыва готовились к дембелю: ушивали морскую форму, покупали тельняшки, бескозырки, бушлаты, гюйсы, изготавливали значки в виде подводной лодки. Ко мне образовалась очередь делать наколки на плече, изображающие якорь с цепью, под ним надпись «Северный флот». Свою шкуру мне не хотелось портить. Технология накалывания проста: бралась швейная иголка с накрученной почти до самого конца ниткой и тушь. Нитка служила для впитывания туши. Химическим карандашом наносился рисунок, потом накалывался иголкой подёргивающими движениями, чтобы краска осталась под кожей. Советовал ребятам заранее придумать истории для своих друзей на гражданке, как мы на атомных субмаринах бороздили просторы океанов. Не будет же они, приехав на родину в морской форме рассказывать, как долбили перфоратором скалу в штольне.

Мне пришла мысль приехать домой загорелым. Близкие удивятся: служил на берегу Баренцева моря — и вдруг такой вид. Обратился к фельдшеру Косте:

— У тебя есть ультрафиолетовая лампа? Хочу удивить своих друзей, приехать домой загорелым.

— Будь осторожен, смотри на часы. Одна минута — на правую щёку, одна — на левую. Не больше. Меня срочно в казарму вызывают.

Я держал минуту одну щёку, потом другую, потом минуту в анфас. Заметил, что лампа только стала давать тепло. Наверно надо было её сначала разогреть, а потом садиться. Решил повторить. Когда пришёл Костя, я всё ещё крутился у лампы.

— Что наделал! Себе лицо сжёг! — Костя дал мне какую-то мазь. — Ты перестарался, мазь теперь мало чем поможет.

— Зачем тебя в казарму вызывали? Что за срочность?

— Ветров, парень из молодого призыва, нажрался пьяным так, что ничего не помнил. Друзья нашли его у казармы, лежащим в снегу в одной гимнастёрке с растёгнутыми штанами. Забыл, что в казарме установлены писсуары, по привычке пошёл отлить на улицу. Отморозил свой «окаянный отросток», а за медицинской помощью сразу не обратился. Началась гангрена. Вызвал машину, чтобы отвезти Ветрова в госпиталь.

— И что с ним будет?

— Пусть хирург решает. Но, думаю, что отрежут ему «хозяйство», будет ходить в туалет через трубочку. Допился, сломал себе жизнь, — сокрушался фельдшер. — Что за люди! Вспомни Валерку, погибшего по пьяни. Не учимся на чужих ошибках. Молодой призыв ничем не лучше нашего. И ты тут ещё со своим загаром навязался. «Морду» твоего лица придётся теперь лечить, каждый день будешь приходить.

Приближался дембель. Командир роты объявил, что тот, кто возьмёт «дембельский аккорд», уедет домой раньше всех. Здесь я должен пояснить, что такое «дембельский аккорд»: командир давал задание нескольким бойцам забетонировать дорожку, перекрыть крышу или отремонтировать крыльцо. Желающих находилось немало. Ещё было сказано: «Питерцы, как самая недисциплинированная группа, уедут домой последними, не раньше двадцать пятого декабря». Может быть по этой причине, а может по другой, но из нашего славного города аккордные работы никто не взял.

В самый последний момент объявили, что билеты на самолёт смогли купить только на Ленинград, и только на первое декабря, на первый день начала демобилизации. Других бойцов, в том числе и тех, кто дела «аккорды», задержали. Доводам начальства про билеты я не поверил. В первую очередь выгоняли самых недисциплинированных. Остальных можно и потом отправить. Демобилизованных собрали на камбузе. На-

бралось около пятидесяти человек. Командир роты и начальник стройки высказали пожелания, дали советы, напутствия, отметили нескольких человек. О ком-то говорили хорошо, о ком-то — не очень. Среди отмеченных оказались и я. Марк Дмитриевич сказал просто: «Если не пойдёшь учиться в Высшее военно-строительное училище, будешь большим дураком».

В аэропорт сопровождал заместитель командира роты, двухметровый здоровенный лейтенант, одетый не по форме, как и мы. Он непродолжительное время был даже командиром роты. Но произошла банальная история: муж любовницы неожиданно вернулся из командировки. Габаритному лейтенанту залезть в шкаф или под кровать не представлялось возможным. Чтобы не скомпрометировать свою любимую женщину, наш начальник сиганул из окна третьего этажа, сломав при этом руку. История каким-то образом получила огласку, героя-любовника понизили в должности.

Перед отправлением мы с ребятами договорились, что до аэропорта — ни грамма спиртного, иначе всю группу вернут обратно в часть. В аэропорту все сразу устремились в буфет. А там — коньяк. За два года службы, что я только ни пил, а коньяк попробовал первый раз в жизни. Наши заработанные деньги лежали в портфеле у лейтенанта, разложенные по конвертам. Как только вышли из машины, сопровождающий вручил по десять рублей на человека. Коньяк в то время стоил четыре рубля двенадцать копеек за пол-литровую бутылку. Он понимал, деньги пойдут не на конфеты, однако выдал. Скорее по привычке. За всё время службы командиры роты выдавали с наших счетов деньги, зная, что если днём кто-то из бойцов получит десять рублей, вечером обязательно будет пьяным. Здесь у начальства своя выгода: попавшегося на пьянке (как только солдат получал деньги, за ним сразу устанавливался повышенный контроль) вызывали к командиру роты, тот начинал запугивать гауптвахтой, лишением отпуска, звания, письмом родителям, понижением квалификации на строительном объекте. Взамен предлагалось выполнить какую-нибудь работу или «стучать» на своих сослуживцев. Как-то в начале службы со мной беседовал замкомроты, пугая Новой Землёй. Потом попыток никто не предпринимал, хотя командиры менялись. За время службы я ни разу не был в отпуске, остался рядовым, но на гауптвахту не посылали — нужен был на работе. Родителям, возможно, направляя письма, но я с ними не был в тёплых отношениях, поэтому такая форма давления на меня не действовала.

Из-за непогоды рейс задерживался. Чтобы как-то скоротать время, пошли с Игорем к лейтенанту попросить ещё денег. В комнате, где расположился наш начальник, сидели ещё двое: старший сержант строевых войск и гражданский с большой бородой. Старший сержант возмутился, ему не понравилась форма обращения Игоря к лейтенанту. Игорь молча подошёл к недовольному, нокаутировал того с одного удара. Затем недовольство проявил гражданский, но после того, как я схватил его за бороду, стал оправдываться, что нас не знает и никаких претензий не имеет. Тут в комнату вбежал Серёга и прокричал, что объявили посадку на наш рейс.

Собрались у трапа самолёта. Кто-то сообщил, что один из наших бойцов завис в женском туалете. Мы с Серёгой отправились вызволять друга. Юрка спал сидя на полу. Не каждый выдержит пить коньяк без закуски. Потасили Юрку по лётному полю, ноги его волочили по земле, подняли по трапу и погрузили в кресло самолёта. К лейтенанту подошла стюардесса, потребовала ссадить нашего бойца. Зачем ссаживать? Сидит товарищ недвижимо, закрыв глаза, никому не мешает. Командир смотрел на стюардессу непонимающими остекленевшими глазами, не проронив ни слова. Его состояние было ненамного лучше Юркиного. Стюардесса вернулась с пилотом: «Пока не уберёте пьяного подчинённого, самолёт никуда не полетит». Лейтенант поднес руку к фуражке,

брызгая слюной, прохрипел: «Приказываю лететь!» Пилот махнул рукой, через несколько минут самолёт уже был в воздухе.

Пулково. Спускаясь по трапу, поднял руки вверх и крикнул: «Питер, я вернулся!» Ребята подхватили: «Встречай, Питер! Мы молодцы! Мы вернулись!» Вернулись не все...

К родному дому почти бежал. Здесь ожидал почувствовать «тихую гавань», где не надо бороться за выживание, можно просто расслабиться. Все размовки с родителями стёрлись из памяти, теперь рассчитывал на тёплый приём, хотя не писал, когда приеду, хотелось сделать сюрприз. Дверь квартиры открыл отец. За два года он нисколько не изменился. Отец несколько мгновений смотрел на меня и холодно предложил: «Ну, проходи». Мать, услышав, что кто-то пришёл, заглянула в прихожую, запричитала, стала обнимать меня. Отец ушёл в комнату смотреть телевизор, мы с матерью ещё стояли в прихожей.

— Как ты, сынок, изменился, повзрослел. Ты, как я посмотрю, не похож на солдата: куртка чёрная, без погон.

— Мама, такие куртки у нас носили и моряки, и солдаты, и гражданские. Спецпошив называется. А погоны снял, чтобы патруль не придирался.

Наши дембеля ехали домой кто в шинели, кто в морском бушлате и бескозырке (и это в декабре). Ленточки у бескозырок делали удлинёнными, до самого пояса. Я для солидности приобрёл офицерскую шапку. Что с нас взять — стройбат.

Набрав полную ванну воды, блаженствовал, мечтая завтра пойти в баню. Два года не был, выпарю из себя всю грязь. Выйдя из ванной, переоделся в гражданскую одежду, которую носил до армии. Ещё на службе решил, что форму сниму сразу, хвататься нечем: ни лычек, ни значков, ни медалей, ни орденов не заработал. В комнате уже накрыт стол: водка, солёные помидоры и огурцы, квашеная капуста, варёная картошка. Все продукты с дачного участка. Отец, как глава семьи, поднял тост:

— За тебя! Рассказывай, как служба проходила?

— В общем-то, нечего рассказывать. План выполняли на сто и одну десятую процента.

— Неделю-две присматривайся, где работать будешь, где жить. На эту квартиру не рассчитывай.

— Он по закону имеет право на неё, без него мы бы не получили двухкомнатную, — вступилась мать.

— Пусть самостоятельную жизнь начинает.

Мать ещё что-то хотела сказать в мою защиту, но я её перебил:

— Не надо, мам, всё правильно отец говорит.

Чем больше стопок выпивали, тем грозней становился отец. Потом уже начал кулаком по столу стучать.

— Отец, давай посидим спокойно, хватит мне нравоучения читать, мне двадцать лет.

— Ты мне перечить будешь! Да я тебя сейчас в бараний рог скручу!

Он вскочил из-за стола, схватил меня так, что затрещала рубашка, стал давить всем телом. И как-то всё автоматически получилось: я сгруппировался, броском через бедро опрокинул его на пол.

Я задался вопросом: почему у отца на меня такая агрессия? Листая жизненную книгу, пришёл к мнению, что точкой отсчёта является скандал, который случился, когда я учился в седьмом классе. В то время, хотя я и занимался борьбой, ростом был мал, на уроках физкультуры в строю стоял неизменно последним, а вес до «бараньего» не дотягивал. В какой-то день отец решил меня в очередной раз выпороть. Не дожидаясь, когда он вытащит ремень, я бросился, чтобы завалить его каким-нибудь приёмом. Но он ловко увернулся, нагнулся, схватил меня одной рукой в районе лодыжки, дёрнул, и я в мгновение оказался вниз головой. Уже позднее представил картину: отец держит меня одной рукой за ногу, другой снимает ремень со штанов и лупит. Это даже рас-

смешило. Но в тот момент было не до смеха. Когда порка закончилась, я огрызнулся:

— Молодец против овец, а против молодца — сам овца.

Отец рассвирепел:

— Ты что имеешь в виду, гадёныш?

— Когда сосед дядя Коля тебя ударил кулаком по лицу, ты ответить не смог.

После этих слов отец завалил меня на диван и опять стал пороть. Я, чтобы соседи не слышали крика, уткнулся лицом в подушку. Потом что-то во мне оборвалось, и я затих... Услышал голос матери: «Саша, остановись, по-моему, он уже не дышит». Отец прислушался: «Нет, дышит». Но бить перестал.

Через два дня я подговорил своего школьного друга Кольку Петрова сбегать из дома вдвоём. Но на железнодорожном вокзале Колька вдруг передумал, в одиночку я не решился на побег.

Именно после того скандала отец начал меня гнобить. Сколько лет прошло, а он помнил, как я огрызнулся.

Но вернёмся к послеармейским событиям. На следующий день я решил повидать друга детства Сашку Новожилова. Мой приход оказался некстати: он с приятелем собирался на вечер выпускников профессионально-технического училища.

— Давай с нами.

— Нет, не пойду, не учился в ваших университетах, провожу вас — и домой.

При входе в училище стояли две женщины, пропускали бывших выпускников по одному, но Сашку и его приятеля не пустили. Когда стали уговаривать, объясняя, что уже не пацаны и хотели бы увидеться с сокурсниками, женщины вызвали милицию. Из вестибюля вышел высокий милиционер и сразу ударил ладонью Сашку в лицо. Тот отступил на два шага, остановился. Я вежливо обратился к милиционеру: «Зачем вы так? Люди пришли...». Но, не успев договорить, увидел, как в лицо летит милицейский кулак. Я ушёл с линии атаки, ударил правой в челюсть. Произошло это автоматически. Милиционер упал мне на спину, руки его повисли. Я понял, что он «в плавании» и растерялся. Тут подбежал второй милиционер, схватил меня сзади, стал заваливать. Первый обидчик, потеряв опору, упал, второго я опрокинул на асфальт.левой рукой держал его голову, кулаком правой бил по лицу. Не знаю, чем бы это закончилось, но тут подбежал третий милиционер, ударил меня, лежащего, ботинком в нос. Кровь хлынула на куртку. Понял, что нос сломан и пора «делать ноги», пока эта тройца не превратила меня в «отбивную котлету». Рванул с низкого старта. Но сзади подсекли, я упал, и три пары ног ритмично отбивали моё тело. С таким чувством ритма их бы в ансамбль барабанщиков.

Рядом с нами остановилась милицейская машина с проблесковыми маячками. «Его грузить надо, сам уже не встанет», — услышал голос. Если окажусь в машине, это тюремный срок, свидетели видели, что именно я ударил первым. Вскочил с заснеженного газона и побежал через каток. За мной по белому снегу тянулся кровавый след. Возле подъезда догадался приподнять полу куртки, чтобы кровь не капала вниз. Вбежав по лестнице на второй этаж, замер, прижавшись к стене. Услышал голос: «Его тут нет, следы крови обрываются, ищем дальше».

Утром проснулся от грохота посуды. Мать готовила завтрак. Открываю глаза, а света белого не вижу. Сначала испугался, подумал, что после вчерашнего мордобоя потерял зрение. Но потом стал сознавать, что домой пришёл сам, значит со зрением всё в порядке. Оттянул нижнее веко и увидел комнату. Пошёл в ванную обливать лицо холодной водой, прикладывать медные пятикопеечные монеты на веки. Появились узкие щели. Из узколицего я превратился в круглоголового, в таком виде мон-

голы за своего бы приняли. Обращаться в травму по поводу сломанного носа не решился, побоялся, что милиция может найти. Мать постучала в дверь ванной, позвала завтракать, пришлось идти, не сидеть же взаперти пока не сойдут синяки. Мать, увидев меня хромящего, да ещё и с таким лицом, заохала, стала расспрашивать. Что я мог ответить? Сказал, что поскользнулся, упал, потом ещё три раза падал, и так получалось, что падал каждый раз лицом вниз. Дворники виноваты — не посыпают песком тротуары, скользко. Мать мне не поверила.

Обида возникла, что друг детства Сашка Новожилов не позвонил ни в этот день, ни в последующие узнать о здоровье. Ведь три милиционера меня пинали на его глазах.

Детско-юношеский период заканчивался, начиналась взрослая жизнь с новыми друзьями и новыми отношениями.

* * *

Оценивая тот этап с высоты нынешнего третьего возраста, я задумался — было ли армейское время потерянным для меня? Нет, конечно. Я попробовал себя в качестве руководителя, правда, небольшого коллектива, но с такого и надо начинать, научился строить отношения с совершенно разными по темпераменту, характеру, воспитанию, образованию людьми, освоил основы профессии строителя, много читал: на втором году службы выписывал на свою фамилию журналы «Юность», «Наука и жизнь», «Наука и религия». Увлекался спортом, набирался житейской мудрости. Приобрёл внутренний стержень, уверенность в собственных силах. Довелось пообщаться с коренными северянами, это особенные люди. Таких открытых, порядочных людей я нигде не встречал. Суровость климата, возможно, накладывает свой отпечаток на характер и взаимоотношения. Надеюсь, что их хорошие человеческие качества, отчасти, перешли и ко мне. Два года не прошли напрасно. Если вернуться к вопросу военкома: «Зачем ты идёшь в армию?», я тогда ответил: «Хочу найти себя». Тот ответ предполагал поиск профессии: «кем быть?» А после армии, добавил бы: «каким быть?»

Многих из нас в молодые годы влекут необычные профессии, пугают перспективы рутинной работы от звонка до звонка. Я поступил на мебельный комбинат... и полюбил свою новую профессию. Даже с удовольствием задерживался на работе, когда возникала такая необходимость. Что касается романтики, то и здесь себя не ущемил: люблю путешествовать по миру, особенно нравятся активные и экстремальные туры. В комсомол я всё-таки вступил. Добровольно и без всякого давления сверху.

Говоря об армии, я могу быть достоверным только тогда, когда речь идёт о стройбате. Армия и тюрьма — срез нашего гражданского общества, с той лишь разницей, что здесь всё более сконцентрировано, социальные конфликты выражены более остро. Дедовщина не рождается на пустом месте, я её прочувствовал, учась в ПТУ, живя в общежитии.

Пожилые люди часто говорят, что если бы предстояло прожить заново, ничего не стали бы менять. Пусть они так считают, завидую им, я бы в жизни многое изменил. Хотя не стыдно за свои поступки, но глупостей наделал предостаточно. И всё же, армию я бы не вычеркнул, она мне дала многое. Да и весёлое это было время. Иногда люди говорят: «Прожил, как один день». Мне их жаль. Человек живёт не только годами, но и событиями, впечатлениями. Они остаются в памяти и делают нашу жизнь интересной, насыщенной. Время, проведённое в армии — это тоже событие, причём во многом определяющее наше будущее. Теперь, утвердившись в профессии, могу задать себе вопрос: «Я нашёл себя?» И да, и нет. Всю жизнь ищу. Сейчас мне шестьдесят пять, а я продолжаю себя искать.

Теперь уже в литературе.